

Искорка

К 45-летию
Советской Армии

Рождённая в боях

ВЫСШИХ воинских почестей удостоен Владимир Ильич Ленин: у дверей его мавзолея днём и ночью, при любой погоде, в мирное время и во время войны недвижно стоят часовые.

Ильич не командовал полками или дивизиями, не ходил в штыковые атаки. Но взгляните на эти фотоснимки, и вы поймёте, что Ленин и армия неотделимы.

Вот он на Красной площади произносит речь перед войсками Всевобуча, вот просто беседует с военными. Это ещё «колыбельный» возраст армии — май 1919 года.

А год спустя Владимир Ильич принимает парад. Перед ним чеканят шаг командиры-пулемётчики Кремлёвских военных курсов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VII

№ 2

Февраль 1963 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Вячеслав Кузнецов

Рисунок Ю. Шабанова

День рождения

Столетью было восемнадцать
лет...
В огне ревел металл над белым
светом,
В огне вставал над Родиной
рассвет,
В огне
рождалась Армия Советов.

Солдаты умирали,
но полки,
Сражаясь, шли сквозь грозы
и печали.
В февральский день,
Взяв юнкеров в штыки,
Они в лицо победу повстречали.

...Встав из руин, росла
моя страна,
И Армия хранила свято
дом свой.

А в грозный день,
бессмертная,
она

Фашистское сломила
вероломство.

Она стояла насмерть —
за народ,
И песнь о том навеки
сохранится,

Как Армия
от Пулковских высот
В тот незабвенный
сорок пятый год
Знамена пронесла
по границам.

...И снова — мир.
И солнце, и цветы...
А ты, как прежде, на посту суровом.
Коварен враг,
об этом знаешь ты,
Так будь готова.
Будь всегда готова!

Г. Петров

Огневой рубеж

У огневого рубежа —
Пороховые ветры.
Под пулями трава рыжа.
К мишеням по траве бежать
Полкилометра.

И у фанерного щита
Пробоины пересчитать.

Мой враг фанерный поражён,
Все пули в цель легли.
Врагом будь настоящим он —
Не встать ему с земли!

Страны Советской рубежи
Мы защищаем прочно.
Чтоб наш народ мог мирно
жить —
Стрелять умеем точно!

Н. Егоров

Детство

После боя
В дымное затишье
Он уснул, к соседу притулясь,
И пришли к солдату сны
мальчишьи,

Ничего на свете не боясь.
Озорное, чуточку рябое,
Детство, неужели это ты?
Голубей бросаешь в голубое
Небо августовской высоты?
И в два пальца с крыши

голубятни
Засвистало звонко, во весь дух!
А потом средь бела дня
стервятник...

И над крышей голубиный пух.
И ушло ты, детство, не заплавав,
Раньше срока мужество искать...
Спал солдат,
А через час в атаку,
Может быть, в последнюю
вставать.

Ошибка Сеньки Большинцева

Отправляя красноармейцев в разъезд, комполка назначил старшим Сеньку Большинцева.

Когда год тому назад Сенька пришёл в отряд к Будённому прямо из села безоружный и безлошадный, Семён Михайлович не хотел принимать его к себе.

— Какой же ты конник, если у тебя лошади нет? Ступай, хлопче, в пехоту! — сказал Будённый.

Сенька ушёл огорчённый: пехотинцем он быть не собирался.

Через несколько дней он снова явился к Будённому. На этот раз Большинцев сидел уже на коне — хоть и не на кавалерийском, а на простом, крестьянском, и через плечо у Сеньки болталась в старых истёртых ножнах прямая драгунская сабля.

— Теперь у меня всё есть — и конь, и шашка, — сказал он Будённому. — Принимайте в кавалерию!

— Конь и сабля — ещё полдела, — ответил, улыбаясь в пышные усы, Будённый. — Ты же сидишь на коне, как

говорится у нас, ровно собака на заборе!

— А никто не родился готовым кавалеристом, — отбивался Сенька.

— И рубить не умеешь...

— Научусь. Было время — я и кашу есть не умел, а вот же научился, — не сдавался упрямый Сенька.

— Ну хорошо. Как тебя звать?

— Сенька Большинцев.

— Тёзка. Но какой же ты Большинцев, когда такой малорослый?

— Велика Федора, да дуря... А что малорослый — коню легче, — ответил Сенька. — Я молодой, мне только восемнадцать. Я ещё подрасту!

— Ладно, расти!

Семён Михайлович принял его в отряд, — парень понравился своей настойчивостью. А чтобы Сенька не сделался лёгкой добычей опытных рубак-станичников, Будённый определил Сеньку к себе в ординарцы.

В первой стычке с белыми Сенька усердно кланялся пу-

лям. Будённый смеялся над ним:

— Я думал, ты храбрый. Если бы я знал, что ты будешь робеть, я не принял бы тебя в отряд.

— Семён Михайлович, я не боюсь, да как-то само получается, что я боюсь. Направьте меня в роту, там я попрошусь в разведку.

Но Будённый не отпустил Сеньку ни во взвод, ни в разведку — рано ещё!

С каждым днём, с каждым месяцем Сенька осваивался в кавалерии.

— Что, тёзка, уже не кланяешься пулям? — говорил Будённый, глядя, как спокойно держит себя в бою его ординарец.

— Не кланяюсь, Семён Михайлович: пули теперь облетают меня — познакомились! — отвечал Большинцев.

Наконец Сенька дождался того дня, когда Будённый отпустил его во взвод.

Ездить верхом и рубить саблей Сенька Большинцев научился. Оставалась одна задача — грамота: Сенька ещё не успел научиться читать и писать.

И вот сегодня его назначили старшим разъезда. Тут читать нечего: только гляди в оба!

Целое утро разъезд шнырял по дорогам, не встречая белых.

Было начало ноября, но как-то сразу нагрянула зима. Ветер крутил позёмку, сыпал мелким снежком в глаза, за-

бирался под драную Сенькину шинель.

Разъезд уже повернул назад, к селу Стадница, где стоял штаб конного корпуса Будённого, когда Сашка Гринченко, ехавший «в замке», окликнул:

— Сенька, глянь, из-под Воронежа кто-то едет!

Сенька обернулся и посмотрел туда, куда показывал товарищ. Вдали на дороге чернели фигуры — лошадь, запряжённая в сани, а в санях два толстущих человека.

«Это какие-то буржуи, решились в метель пробраться к белым», — смекнул Сенька.

— Ребята, вертайте домой, а мы с Сашкой слетаем к этой контре! — сказал Большинцев и помчался навстречу саням.

Гринченко скакал сзади.

— Стой! — ещё издали кричал Сенька, выхватывая из ножен саблю.

Сани стали.

В санях действительно сидели двое мужчин в медвежьих шубах. Из-под лохматых воротников выглядывали козлиные бородки — у одного чуть поострее, у другого чуть пошире. Оба в очках, как настоящие интеллигенты.

«Попы или купцы — кто их разберёт», — с презрением подумал Сенька.

— Куда едете? Кто вы такие? — кричал он, подлетая к саням.

— Мы едем к Будённому, — ответил тот, у которого бородка была чуть поострее.

— Не забивай нам гаки! К

белякам, гады, тикаете? — кричал Сенька, упираясь ко­нём прямо в плечи буржуев.

— Кто вы? Попы или куп­цы? — спросил Гринченко.

— Мы председатели... — на­чал человек с острой бород­кой, но Большинцев, не слу­шая, перебил его:

— Э, не бреши, контра! У нас председатель как едет, так всегда с собой охрану берёт — двух-трёх человек. А вы даже ямщика взять по­боялись: втихую тикаете? Меня не проведёшь, буржуй! Сымай шубу — погрелся! На тот свет и без шубы при­мут! — кричал Сенька, разма­хивая клинком.

Человек с острой бородкой поднялся, распахнул шубу, а Сенька уже приготовился по­мочь сдёрнуть её с буржуй­ских плеч, но человек шубы

не снял, а достал из пиджака бумагу и протянул её Сеньке.

— Мы оба — председате­ли, — повторил он. — Я — ВЦИК, а он, — кивнул на со­седа, — ЦИК УССР. Вот наш мандат. Сам Ленин подписал!

Сеньку бросило в жар: вот оно, надо читать, а он не умеет! Полный конфуз!

Чтобы не подать виду, что он смущён, Большинцев про­должал шуметь:

— Зачем мне какой-то ман­дат тычешь? Думаешь, бу­мажкой отыграешься? И ты, контра проклятая, зря не по­минай товарища Ленина! Я вас, гадов, и без бумажек за версту чую!

— Погоди, Сенька, — сказал Гринченко, который две зимы ходил в школу, — поглядим мандат.

Сашка вырвал из рук очка­стого бумажку, поднёс к гла­зам и, наморщив лоб, стал разбирать, что написано.

— Вроде что-то есть... Да­вай-ка лучше доставим их в

штаб — там разберутся! — посоветовал он, возвращая бумажку человеку с острой бородкой.

— Что ж, давай доставим! — согласился Сенька. — Тута недалече, недолго им в шубах греться! Успеем порубать их и там! А ну, буржуи, поехали!

Сани тронулись. Гринченко ехал впереди, Сенька Большинцев сзади. Обнажённую саблю он продолжал держать в руке.

Толстошубые не унимались, что-то говорили о рабоче-крестьянской Красной Армии, которая защищает революцию, о том, что надо уметь не только рубить саблей, но и читать и многое другое.

Сенька Большинцев не слушал: хотят подольститься, подмазаться. Не выйдет! Одно толстошубые говорят верно: без грамоты гляди как плохо!

Въехали в село.

— Что, буржуев словили? — со смешком спрашивали встречные товарищи.

— Куда вы их тащите? Рубайте на месте!

Вот и дом, где разместился штаб конного корпуса Будённого.

Гринченко остановился. Стали и сани. Толстошубые хотели было уже вылезать из саней, но Сенька грозно прикрикнул на них сверху:

— Сидеть!

И они послушно сели.

— Ты, Сашка, покарауль этих субчиков, а я доложу! — сказал Большинцев. Он кинул саблю в ножны, прыгнул с коня и пошёл в дом.

В штабе Сенька застал самого Семёна Михайловича и комиссара корпуса Кивгелу.

— Товарищ командир корпуса! Разъезд тридцать третьего полка задержал двух буржуев, бежавших из Воронежа, — доложил как надо быть Сенька.

— Двух буржуев? — иронически улыбаясь, переспросил Будённый. — А мне и одного не надо. Веди их к комбригу.

— Да я, Семён Михайлович, порядок знаю, но они говорят: веди к самому Будённому. У нас, говорят, мандат, мы оба, говорят, председатели...

Будённый вопросительно глянул на Кивгелу и сказал:

— Ну, коли так, предъявляй нам своих буржуев-председателей!

Через минуту Сенька всё с прежней суровостью ввёл в

комнату двух незнакомцев в медвежьих шубах.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал остробородый, глядя на Будённого и Кивгелу поверх запотевших очков. Затем он не спеша достал из-за пазухи бумагу и протянул её ближе стоявшему комиссару.

Кивгела только взглянул на бумагу, и на его лице отразилось изумление.

— Товарищ Калинин и товарищ Петровский, — доложил он Будённому.

Сенька никак не ожидал такого конца истории. Вместо того чтобы с негодованием обрушиться на буржуев и предать их заслуженной каре, Будённый и Кивгела радостно засуетились, тепло жали руки обоим приезжим, бросились помогать им снимать медвежьи шубы.

Большинцев почувствовал: проклятая неграмотность всё-

таки в конце концов подвела! Видно, лучше всего — поскорее смыться: он хорошо знал горячий нрав комкора!

И Сенька Большинцев шмыгнул за дверь.

А в комнате Михаил Иванович Калинин, потирая озябшие руки, ходил из угла в угол и, смеясь, рассказывал Будённому и комиссару своё дорожное приключение: как их чуть не зарубили свои же, будёновские конники.

Кивгела смущённо улыбался, просил простить неграмотность конников, а вспыльчивый Семён Михайлович Будённый покраснел от гнева и стыда и без всякой улыбки заверял товарищей, что виновные будут наказаны.

Михаил Иванович Калинин и Григорий Иванович Петровский горячо возражали против наказания конников.

— Нет, во всём виноваты мы сами, — говорил Калинин. — Захотели увидеть того драгунского вахмистра, который так крепко бьёт белых генералов от кавалерии. Я и сказал Григорию Ивановичу: давай завернём на денёк к товарищу Будённому, познакомимся с его орлятами!

— Нечего сказать, познакомились, — недовольно буркнул Будённый.

— Чуть рассвело, мы сели в сани и в путь-дорогу. И не подумали о том, что в такую погоду можем невесть куда угодить...

— Да без провожатых мы свободно могли бы очутиться у белых, — поддакнул Григо-

рий Иванович Петровский. — Нет, винить никого нельзя!

— Собственно говоря, винить, Григорий Иванович, можно, — сказал Михаил Иванович Калинин, останавливаясь среди комнаты. — Винить есть кого!

— А кого же? — удивился Петровский.

— Во всём следует винить нашу неграмотность! Паренёк этот — настоящий красный боец, преданный и лихой, но беда в том, что он неграмотен! Не мог прочесть мандата и чуть не наделал беды...

С этим доводом были согласны все.

Калинин и Петровский погостили в конном корпусе Будённого целый день. Они были на кавалерийском ученье резервного дивизиона, говорили с бойцами и командирами, рассказали им о внутреннем положении Республики, а под вечер собрались возвращаться в Воронеж.

Будённый приказал взводу конников сопровождать дорогих гостей до места.

Перед отъездом Михаил Иванович Калинин захотел ещё раз повидать Сеньку Большинцева.

Уже весь конный корпус знал об утреннем происшествии.

Красный . от смущения, стоял Сенька перед председателем ВЦИКа.

— Ну, до свидания, дорогой товарищ, — протянул ему руку Калинин. — Хвалю за то, что ненавидишь буржуев и борешься с ними! Нашей ра-

боche - крестьянской армии, нужны не только преданные, но и грамотные бойцы! С неграмотностью надо кончать так же, как и с контрреволюцией! Запомни это!

— Запомню, товарищ Калинин! Научусь грамоте: я и кашу когда-то есть не умел, а научился! — весело, но твёрдо ответил Сенька Большинцев.

М. Кривицкий

В Т О Т Д Е Н Ь...

Вот в нашем доме и попробуй
Урви минуту почитать:
Ведь как на зло, не за укропом,
Так за томатом гонит мать!

Понуро в очереди Мишка,
Вихры разгладивши свои,
Оберегает локтем книжку
От магазинной толчеи.

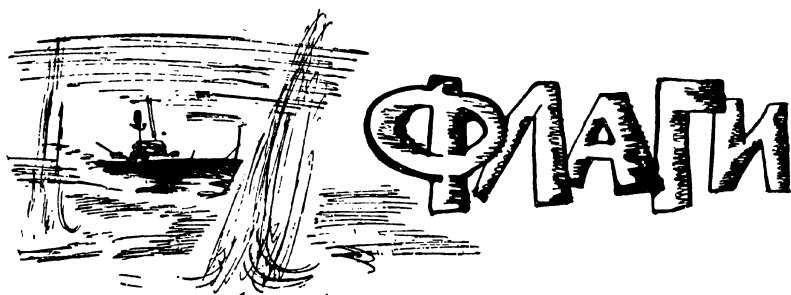
Июнь. Жара. На бутерброды
Съестное дачники берут.
И невдомёк, что марш похода
По радио передают.

А он читает. Миг разгарный:
Тиль выручает толстяка.
С улыбкой сходится у парня
Хмурь от соседского толчка.

И в это время репродуктор
Ударил в гомон со стены:
— Товарищи... Сегодня утром...
Без объявления войны... —

Мрачнеют в очереди лица.
Встречается со взглядом взгляд.
А за прилавком продавщица
Кричит:
— Чья книжка!
— Чей томат!!

Ох, мать! Мир надвое разрезан.
Ищи-ка парня! Как бы он,
Махнув рукой на вольных гезов,
Не ушагал бы в батальон.

Восемь дней мотались мы по тылам противника, избегая столкновений, обходя редкие населённые пункты. Обросли щетиной и оборвались.

У нашего лейтенанта под-детски голубые глаза ввалились и как бы побелели.

Мой дружок, старшина второй статьи Дмитрий Иванов, подвернул в лесу ногу. Мы плотно обтянули опухший сустав полосами разорванной тельняшки. Старшина брёл, опираясь на еловую палку. Пересохшие губы его были плотно сжаты. Такой разговорчивый и весёлый, за двое последних суток он не произнёс ни слова.

Обо мне и говорить нечего. Я тоже хотя и не очень хлипкий, но и не двужильный. Последние километры всё спотыкался, всё ждал: вот сейчас упаду, вот сейчас. И всё не падал.

Наконец мы вышли к морю на том самом месте, где восемь дней назад нас высадили катер. Вернее — выползли. Хоть по нашим сведениям в окрестностях и не было про-

тивника, но лейтенант соблюдал предосторожность. В поиске мы добыли очень важные сведения и рисковать теперь не могли, не имели права.

Мы залегли в скалах и стали ждать ночи. Под её прикрытием должен был прийти катер и выслать за нами надувную шлюпку. Если же шлюпка не сможет подойти, мы поплывём. Вода ледяная, но что поделаешь? Надо!

Внизу под обрывом кипело хмурое море. Вправо и влево тянулся чужой берег, мрачные наслупленные скалы.

Очень хотелось есть. Но на всё про всё оставалось по сухарю. Осторожный лейтенант берёг их. На всякий случай.

Пить тоже хотелось. Даже, пожалуй, ещё больше, чем есть, потому что перед нами, дразня, плескалась и шипела вода, окатывая скалы горьковатыми брызгами. Если бы её можно было пить!

Первым нёс вахту лейтенант. А мы с Ивановым завернулись в маскхалаты и прикорнули, прижавшись друг к другу.

Ночью я сменил лейтенанта. От лежания на холодной, сырой скале всё тело ныло. Внизу невидимое бесновалось море. Иногда накрапывал мелкий дождик. Очень хотелось пить, и я открывал рот, как рыба, выброшенная на берег, ловил языком крохотные капельки. Но жажду это не утоляло. Наоборот. Горло вспухло и саднило.

До ломоты в глазах всматривался я во мглу, каждую секунду ожидая сигнала, боясь даже моргнуть, чтобы не проворонить его. Но сигнала не было.

Через три часа разбудил лейтенанта. Старшину мы освободили от вахты. И я прилёг возле него. Сон не шёл. Тело бил озноб, зубы принимались стучать. Надо было сжимать их покрепче, а сил не было.

— На катере чаю напьемся, — хрипло сказал лейтенант. — Я как-то пакет возил адмиралу. Вот уж был чаёк! — он почмокал губами. — Может, что задержало катер? Может, здесь ещё сутки сидеть? Спите.

Я долго не мог заснуть, но всё-таки наконец задремал.

Очнулся от прикосновения к плечу.

— Катер идёт, — небритое лицо лейтенанта качнулось возле самых глаз.

Мы со старшиной сели разом.

Мутно-серое утреннее небо наваливалось на море, а море вырывалось из-под него, кидалось на скалы, сердито гудело.

Катера мы не увидели.

— Можно съесть сухари. Подкрепимся, — сказал лейтенант, опуская бинокль.

Мы начали грызть сухари, не отводя глаз от горизонта. Наконец увидели серую точку. Она плясала, то появляясь на гребнях, то проваливаясь. Потом превратилась в катер. Он шёл прямо на нас, и мы глаз не могли отвести от него. Конец мукам. Задание выполнено. Скоро будем дома, на базе! Даже Иванов улыбнулся.

И тут внезапно справа и слева грохнули орудия. Перед катером низко над морем появились белые облачка.

Лейтенант побледнел:

— Батареи подошли. Шрапнелью завесу ставят.

Под щетиной на скулах его дрогнули желваки.

Катер не отворачивал.

Противник перенёс завесу ближе к берегу.

Катер снова проскочил сквозь облачка, но вдруг накренился и начал выписывать петлю.

— Попадание! — прохрипел лейтенант.

Катер уходил в сторону, будто ослеп, будто шрапнелью ему выбило глаза. Верёвку, на которой поднимают флаг, видно, перебило, и он теперь не полохался на гафеле, как положено — развернутый, гордый, а тащился по ходу, словно кусок скомканной материи.

Людей на катере не было видно. Неужели все погибли?

Но вдруг на палубе появился матрос. Мы отчётливо видели его. Двигался он как-то странно — боком, скорчившись,

Никогда не забуду той минуты. Да, нам стыдно было смотреть друг другу в глаза, будто это мы спустили родной советский флаг, мы позорно сдались врагу.

Потом мы увидели, как из-за скал выскочил вражеский катер. Он спешил к подбитому нашему.

Матрос сидел на мостике скорчившись, безучастный ко всему. Потом шевельнулся, медленно встал на ноги, держась за мачту, и вверх, на гафель, пополз,

почти ползком. Сначала нам показалось, что он просто укрывается от осколков, но потом, когда, подтягиваясь на одной руке, матрос стал взбираться на мостик, мы поняли, что он ранен. Матрос с трудом подполз к мачте.

И тут мы увидели страшную картину. Да, для нас, моряков, это самая страшная картина. Флаг упал с мачты. И упал не по своей воле, не сам по себе. Матрос сдёрнул его. А это значило, что корабль сдаётся в плен. И тотчас умолкли вражеские пушки.

— Флаг спустил, шкура, — сказал лейтенант. — Сдался.

Иванов закрыл лицо от стыда и всхлипнул.

развёртываясь на ветру, государственный военно-морской флаг Советского Союза, а под ним затрепетал другой — небольшой алый с двумя косицами флаг «наш». «Наш» — значит «веду бой».

— Он поднял «наш», товарищи, — взволнованно сказал лейтенант. — Он поднял «наш»!

Катер противника рыскнул в сторону, будто флаги ожгли его.

А матрос, поднявший их, снял бескозырку и, обхватив мачту, стал медленно оседать. Силы, видимо, оставляли его.

Потом катер приподнял нос, будто хотел в последний раз

глянуть на землю, прочертил прощальный полукруг флагами и исчез в волнах.

Мы обнажили головы.

Старшина разомкнул сухие воспалённые губы:

— Прости, брат.

Будто просил прощения у того неизвестного матроса за то, что плохо о нём подумал, смел подумать.

А лейтенант сказал печально и тихо:

— Вечная слава героям.

Мне тоже хотелось что-нибудь сказать, но я не мог.

— Пошли, — сказал лейтенант.

И мы начали отползать в скалы. Путь предстоял далёкий и трудный. Но мы знали, что дойдём, потому что в памяти нашей всё время трепетали на ветру два гордых флага: государственный военноморской флаг Советского Союза и «наш», что означает «веду бой».

Иван Антонов

ШКОЛЬНЫЕ ОБЕДЫ

*В понедельник на обед
Нам готовят винегрет.
На столах во вторник
Ждёт ребят рассольник.
Голубцы к обеду
Подаются в среду.
А в четверг,
В который раз,
Пирожки пекут для нас, —
С подрумяненным бочком,
Начинённые лучком.
«Сладкой» пятницу
зовём —*

*В этот день компоты пьём,
Кисели и джемы
Очень любим все мы.
А в субботу —
Плохо ль? —
Жареный картофель,
На огне калёный,
С огурцом солёным.

Приглашаем мам:
— Приходите к нам.
Мы вас славно угостим —
Сами овощи растим!*

Аты-баты, шли солдаты

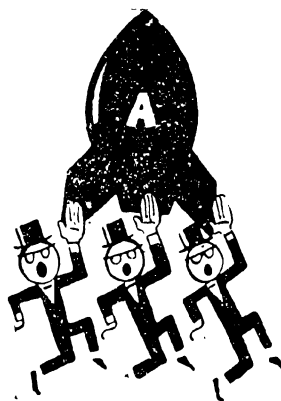
«Аты-баты, шли солдаты» —
Это знают все ребята.
Так и я в кругу когда-то
Во дворе считал ребят.
А потом вдруг, аты-баты! —
Шли действительно солдаты,
Шли фашистские солдаты
На Москву и Ленинград.

От зари и до зари
Раздавалось: «Раз, два, три!
Аты-баты — будь жесток!
Аты-баты — на Восток!»

О судьбе того похода
В мире помнят все народы, —

Шёл, как праздник, по планете
Сорок пятый светлый год.
Почему же, аты-баты,
Фабриканты и магнаты,
Недобитые солдаты
Вновь готовятся в поход?

От зари и до зари
Раздаётся: «Раз, два, три!
Аты-баты — чёрный флаг!
Аты-баты — шире шаг!»

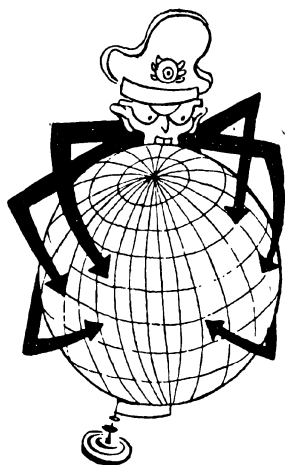
Аты-баты, аты-баты,
О войне мечтают Штаты,
Гордой Кубе, как пираты,
С кораблей своих грозят.

Но стоит не дрогнув Куба,
В грозный час сжимая губы,
Потому что знает Куба,
Как сильны её друзья.

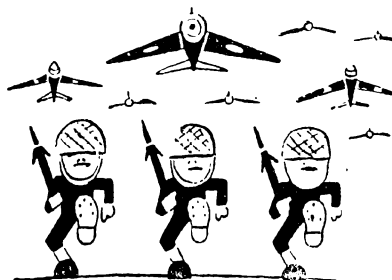
И напрасно до зари
Раздаётся: «Раз, два, три!
Аты-баты — окружай!
Аты-баты — нападай!»

Любят горе-дипломаты
Тратить время на дебаты,

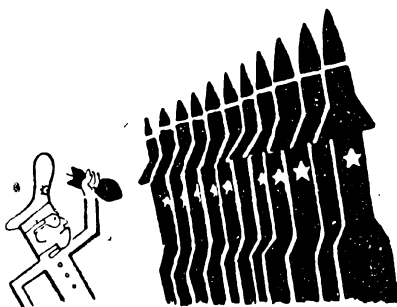
В Ассамблее,
Не краснея,
Заявлять: «И мы за мир!»
А на деле —
Аты-баты!

Всюду базы и солдаты
СЕНТО, НАТО и СЕАТО!..
И живёт в тревоге мир.

Подадут команду Штаты,
Чёрной силы главари,
Голосуют дипломаты:
«Все за бомбу! Раз, два, три».

Аты-баты,
Аты-баты,
Неужели вы горбаты?
Под Москвой и Ленинградом
Битых вас не сосчитать.
Если сунетесь без спросу,
Чтобы сеять смерть и слёзы,
Будет так же!
Есть вопросы?
Аты-баты — смотрят косо —
Знайте: нас не запугать!

Было холодно в это лето и нечего делать. Мы с Венькой ловили проволоочной сеткой окуней на Фонтанке, но окуней не было.

Венька кричал, что это я виноват — не так стою. А потом пришли Петрик и Жорж из соседнего дома, и Венька стал кричать на них, что они распугают всех окуней.

Петрик сказал, что он будет стоять тихо, а Жорж сказал, что Венька — Пенька. «Венька-Пенька», — сказал Жорж. А Венька сказал, что Жорж — толстяк, и все мы захохотали, потому что раз Жорж — обязательно должен быть толстяком! А наш Жорж — тоненький, как прутик.

Жорж сказал:

— Я буду шуметь и орать.

А Венька сказал:

— Тошно. — Вытащил из воды сетку и добавил: — Кто в лагерь уехал, кто на дачу. Сиди тут. Окуней нет, холодина, даже в ЦПКО не пускают.

Петрик сказал:

— Смотрите!

Мы повернулись и увидели, что в наш скверик пришли солдаты.

Мы их раньше не заметили, потому что там стояли две машины, на которых они, наверное, приехали, а теперь машины ушли, и мы увидели солдат, человек семь, у них были рукавицы, большие, как у дворников, а в руках лопаты, и они копали канаву, а возле — я заметил — лежат трубы.

Мы пошли туда.

— Трубы газовые, — сказал Петрик.

— Балда, — сказал Венька. — Газ давно провели, когда ещё нас с тобой не было.

— Ремонт, — сказал Петрик. — Газовый ремонт.

— Ляпнул, — сказал Венька. — Тогда бы у нас отключили.

— Уверен? — спросил Жорж.

— А ты думал! — сказал Венька.

Мы сели на трубы и стали дальше говорить про газ. Про то, из чего он состоит и поче-

му горит, из-за чего вообще надо делать ремонт, что случилось с трубой.

— Лопнула, как пить дать, — сказал Венька. — Когда ночью во всём городе газ в квартирах выключают, он знает как давит!

Петрик сказал:

— А как же, я говорил, что ремонт, а ты сказал, что не ремонт, а теперь сам говоришь, что ремонт?

— Это совсем другое дело! — ещё громче сказал Венька. — Смотря как на это глядеть!

Венька всё время говорил жутко громко, наверное для того, чтобы солдаты его слышали и понимали, какой он толковый человек и как здорово во всём разбирается.

Но солдаты вовсе и не смотрели на нас. Они всю работу делали лопатами, и только иногда кто-нибудь из них что-то говорил и все они хохотали или шутили с проходящими девушками. И вдруг оказалось, что солдат нет, только земля летит вверх из глубокой ямы.

Прохожие заглядывали в яму и девушки тоже. Это было смешно, я засмеялся, и неожиданно все они — будто выросли из-под земли — появились наверху, и один из них, такой белобрысый, сказал:

— Перекур, ребята!

Но они почему-то не стали курить, ни один, а зашли пря-

мо на газон, расстелили на траве плащи и ватники и легли животом вниз, положив ногу на ногу, руки под голову, лицом в траву.

Они лежали тихо, не шевелились и не разговаривали.

Венька замолчал и потом встал, и все мы тоже встали и пошли за ним прямо на газон, на траву, и легли прямо на траву, животом вниз, положив ногу на ногу, и лицом в траву, метрах в пяти от солдат.

Мы тоже молчали и не разговаривали, а я слышал только, как сопит рядом со мной Венька, и звенят трамваи, и прохожие идут, и разные голоса, и что земля под травой холодная.

Я лежал так долго, потом устал и поднял голову. Я по-

ставил локти на землю, а подбородком упёрся в ладони и стал смотреть на жёлтый одуванчик, который рос один между нами и солдатами.

Я внимательно разглядывал одуванчик и ничего не видел за ним, а потом посмотрел мимо него и увидел, что крайний солдат, тот, белобрысый, тоже лежит, как и я, и смотрит то на цветок, то мимо него, на меня. Мне стало неловко и я спросил:

— Твои спят?

— Нет, — сказал он.

— А что же?

— Просто так лежат. Умо-
рились.

— И что делают?

— Думают, — сказал он и спросил: — А твои спят?

— Это не мои, — сказал я.

— Спят? — переспросил он.

— Не знаю, — сказал я.

Он раскинул руки в стороны и снова лёг лицом в траву и лежал так долго, целую минуту или больше. И я тогда лёг, как и он, и вдруг услышал, как сердце у меня стучит в землю.

— Конец, ребята! — громко сказал белобрысый, и я вздрогнул. — Работаты!

Они все встали вмиг и пошли к длинной глубокой яме. Возле ямы они чему-то засмеялись, вынули папиросы, закурили и один за другим, кроме белобрысого, с лопатами попрыгали в яму.

Мы все — Венька, Петрик, Жорж и я — подняли головы и лёжа смотрели, как белобрысый стоит один, к нам спи-

ной, и не глядит на нас, а мы лежим...

Из ямы наружу полетела земля, белобрысый так и стоял, а мы все лежали, и вдруг Венька толкнул меня в бок, а белобрысый повернулся и стал глядеть то на нас, то совсем рядом с нами, но мимо, и Венька снова толкнул меня локтем в бок, а я тогда его.

Мы все лежали.

Белобрысый достал из кармана папиросу, прикурил её от первой и первую отбросил далеко в сторону, потом надел рукавицы, взял лопату и отвернулся от нас.

— Пошли, — сказал Венька, и все мы встали.

Мы подошли вместе с Венькой к белобрысому, и Венька сказал:

— Мы с вами будем.

Белобрысый подмигнул нам и сказал:

— Лишних лопат всего две.

— Ерунда, — сказал Венька, — сначала будем я и Жорж, а потом Петрик с Алёхой.

— Ты и кто? — удивился белобрысый.

— Я и Жорж, — сказал Венька.

— Ну, валяй, Жорж, — сказал белобрысый.

— Пороем, а потом будем трубы класть газовые? — спросил Венька.

— Какие ещё трубы? — сказал белобрысый. — Газ здесь ни при чём. — И потом он, а за ним Жорж и Венька спрыгнули в яму.

Мы с Петриком остались наверху и подошли к краю

ямы и стояли долго-долго, и Петрик всё говорил:

— Ну скоро вы? Ну скоро вы?

А я нервничал, но ничего не говорил, сам не знаю почему, и смотрел на Веньку и Жоржа — как они там работают? И всё боялся: а вдруг солдаты уйдут и мы так ничего и не сделаем, не успеем.

Венька и Жорж — я вдруг увидел — стали совсем потные. Иногда, выбрасывая наверх землю, они глядели на нас, но не улыбались, а оба кричали:

— Прими ноги, эй! Не видишь, что ли?

А я не отходил и всё нервничал и потом вдруг стал счи-

тать, сколько лопат земли они выбросят, и, когда насчитал сто, закричал белобрысому:

— А теперь мы! Мы! Хватит!

Белобрысый кивнул мне головой, отобрал у них лопаты, я и Петрик прыгнули вниз, я взял свою лопату и тут же забыл про Петрика, и про ребят, и про то, что холодина и окуни куда-то подевались, и про всё...

— Конец работе! — крикнул белобрысый. А сколько времени прошло — час, или два, или больше, — я и не помню. Мы все вылезли из ямы.

— Я могу ещё столько же рыть, — сказал Венька.

Все засмеялись, а солдат,

толстенький и круглолицый, которого все называли Флюсом, сказал:

— Пошли, парни, пить пиво.

— Пошли, Флюс, — сказал Венька. — Ещё бы!

— Денег нет, — сказал Жорж.

Все снова засмеялись. Петрик сказал:

— Не надо, дома будут ругаться.

Мы засмеялись, а солдаты нет, и белобрысый сказал:

— Точно будут?

Венька сказал:

— Ещё бы, конечно!

— Ерунда, — сказал белобрысый. — Мы мужчины. Верно? Вам большую кружку на всех. Расходы наши.

— Почему Жорж всё молчит? — спросил у меня белобрысый, когда мы пошли к ларьку.

— Он такой человек, — сказал я.

— Ясно, — сказал белобрысый.

Потом все пили пиво. Нам дали целую кружку на четверых, и было очень здорово, потому что жарко, и мы спрятались за ларёк, чтобы нас никто не увидел, а Венька громко сказал:

— Неплохо бы ещё по одной.

— Больше ни-ни, — сказал белобрысый. — А вон и машина.

Мы увидели, что возле нашей ямы стоит машина, и все пошли к машине.

Солдаты побросали в кузов ватники, плащи и лопаты и залезли сами.

— Завтра приедете? — спросил Петрик.

— Обязательно, — сказал белобрысый, и машина тронулась.

И мы долго ещё смотрели, как она шла по проспекту, всё дальше и дальше и наконец совсем скрылась из глаз.

ОРБИТА НАД АРБАТОМ

Есть в Москве район — Арбат.
Не сегодня-завтра
На Арбате всех ребят
Примут в космонавты.

Шёл однажды по Арбату
Космонавт-герой Титов
И сказал Титов ребятам:
— Будь готов!
— Всегда готов!

Все готовы!
Всем двором
Срочно строим космодром.

В тёмном небе чертит трассу
Звездолёт к седому Марсу.
И не знает он, что где-то
На Арбате у ребят
Тоже строится ракета,
Тренируется отряд.

Все готовы.
Лишь у Вовки
Не хватает подготовки:
Он не может сосчитать
Дважды два и пятью пять...
Мы решаем всем двором:
В космос Вовку не берём!

Только сильных, смелых, ловких
Мы возьмём с собой в полёт.

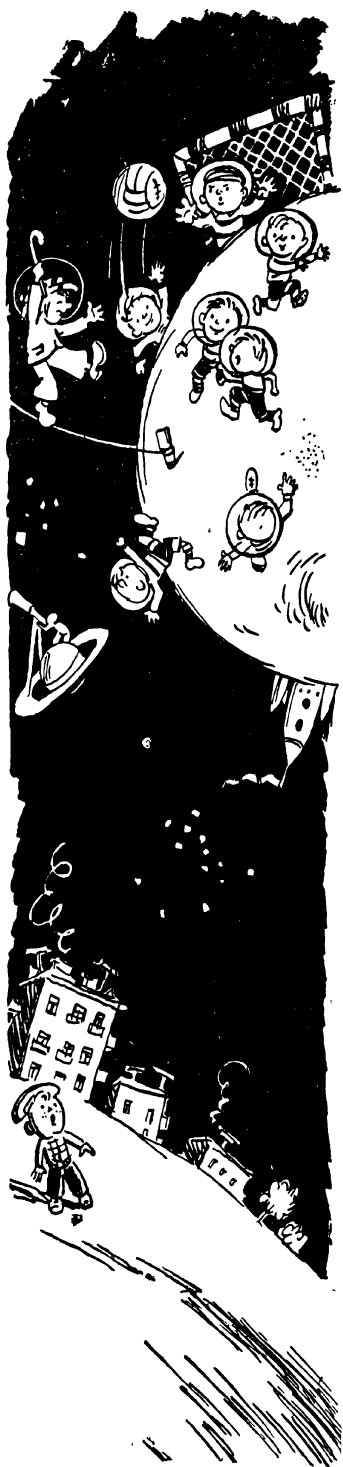
Командир на тренировке
Нам команды подаёт.

Мы шагаем по бревну,
Это — равновесие.
Мы качели на сосну
Во дворе повесили.
Привыкали к перегрузкам,
К виражам, подъёмам, спускам.

А потом возились с Вовкой:
Он к сучку себя верёвкой
Привязал — и прыгнул вниз.
В невесомости повис!..

Дисциплины — ни на грош!
Как в полёт его возьмём?

На Арбате дом уснул.
Встали звёзды в караул.
Ночь вокруг ясным-ясна!
Кнопки-звёзды светятся,
Вон Полярная видна
На хвосте Медведицы.
Все планеты в гости ждут —
Выбирай любой маршрут!

Нам, конечно, нужно очень
Заглянуть на Млечный путь.
На Венеру, между прочим,
По дороге завернуть.
У загадочной Венеры
Нужно нам найти ответ:
На Венере пионеры
Проживают или нет?
Как там в школах с дисциплиной?
С посещаемостью школ?
И, конечно, все дружины
Научить играть в футбол.

Мы сидим и спорим бурно:
Сколько будет в два конца
От Садового кольца
До кольца Сатурна?

Вовка — рядом. Лезет снова:
— Вам Луна-то по пути?
Вот бы в лунный цирк Попова
На гастроли подвезти!

Ну и Вовка! Ох, подлиза!
Подбирается опять.
Ни за что не хочет снизу
За полётом наблюдать!

Но ведь сказано добром:
— Не бе-рём!

Вовке только пятый год —
Пусть хоть малость подрастёт!

Подчас дано на сборы.
— По местам! Включить моторы!
До свидания! Пора.
Старт!

Внимание!

Ура!!!

Мы летим всё выше! Выше!
Курс один у нас — вперёд!
Ловим Землю. Чётко слышим...
Слышим, Вовка наш ревёт.

Он стоит на лётном поле
И закрыть не может рта;

— Ну, возьмите!.. Жалко, что ли?
Хоть на детские места...

А ведь он оставлен дома
Комендантом космодрома.

Если б нам не в школу завтра,
Мы б добрались до Луны.
Но известно:

космонавты
С дисциплиною дружны.

И должны мы точно в срок
Приземлиться на урок.

— Привязать себя ремнями!
Стоп, моторы! Тихий ход!
Взять левей!
Земля под нами.
На посадку звездолёт!

Встречает нас столица!
Знамёнами шуршит!
Вперёд машина мчится —
Домой, домой спешит!

Проспекты — все открыты!
Оркестры — все гремят!
— Откуда вы?
— С орбиты!
— Куда вы?
— На Арбат!

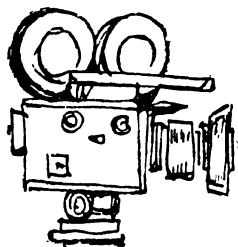

Взрывы

НА УРОКАХ

(новелла)

К И Н О

КИНО! На улице снимают кино!

Прохожие жмутся друг к другу, вертят головами: где? Да где же? И вот у стены видят кусок города, огороженный верёвкой, — это там снимают кино. А про что это? О чём этот фильм? Да что же там происходит? Нет, никто ещё не знает. Все теснятся поближе к середине — оттуда видна витрина магазина, разбитая и заложённая мешками с песком, а рядом ходят люди в тёмных очках и негромко приказывают.

Вот, значит, как снимают кино.

Потом ещё выходят солдаты. Это какие-то странные солдаты, в невиданных шинелях, умело перепачканные и запylённые. Они выстраиваются в ряды, и девушка с цветами идёт мимо них и каждому даёт по цветку. Она раздаёт цветы и красиво задерживается около каждого, но люди в тёмных очках вертят головами и недовольно говорят что-то, и вот она уже возвращается обратно и отнимает у солдат цветы, — ничего не поделаешь, снимают кино.

А люди всё жмутся и ждут чего-то, и мальчишки шныряют между ними и рвутся за верёвку, но их не пускают, ведь это не шуточное дело — снимают кино.

Кругом начинается весна, ярко светит солнце, и машины с трудом проезжают в толпе,

Окончание. Начало в «Искорке» № 1 за 1963 год.

шофёры выглядывают из кабин, пассажиры толпятся у окон, и Дина Борисовна тоже, и два троллейбуса зацепились зеркалами, а один стукнулся о киоск с мороженым, — снимают кино!

— **БОРЬБА** народов Африки за свою свободу разгорается всё сильнее и сильнее, — сказал Басманцев. — Я думаю, что в будущем году они уже победят всех колонизаторов.

Он делал доклад о международном положении.

— Мало ли, что ты думаешь, — крикнул Толян. — А ты скажи, почему.

— Потому что они борются за свободу. Те, которые за свободу, всегда побеждают.

В это время вошла Дина Борисовна. Она была чем-то очень взволнована и всё поглаживала и поправляла кожаный футляр с застёжками, который висел у неё на плече.

— Ребята, — радостно сказала она. — Смотрите, что я достала. Мы будем снимать кино, вот!

И она открыла футляр.

Те, кто сидел на передних партах, начали вытягивать шеи, а задние вообще вскочили, бросились вперёд, и вышла настоящая свалка.

— Какое кино? — кричали одни.

— А мы не умеем.

— Давайте комедию!

— Комедию!

— С Чарли Чаплиным.

— А кто будет снимать?

— Можно я?

— Почему это ты?

— А кто же? Ты, что ли?

— Дина Борисовна, какой будет фильм — иностранный или как?

— Давайте иностранный!

— Нет, лучше балет на льду.

— Какой же может быть иностранный, — воскликнула Дина Борисовна. — Где мы возьмём иную страну. Вы уж скажете иногда. Разве мы сами иностранные?

Ребята вернулись за свои парты, но некоторые всё же успели поругаться.

— Главное, чтобы все-все приняли участие, — сказала Дина Борисовна, — и я тоже. Одни будут режиссёрами, другие операторами, актёрами, кто-нибудь сделает костюмы — каждому найдётся работа по душе. Поднимите руки, кто хочет быть актёрами.

Актёрами не хотел быть никто.

— Ну уж этому я не верю, — удивилась Дина Борисовна. — Да я сама всю жизнь хотела сниматься — все хотят, а вы нет? Ну, а кто будет режиссёром?

И режиссёром тоже никто не хотел. Все, не отрываясь, смотрели на небольшой киноаппарат с чёрной, как у пистолета, рукояткой, который сверкал из футляра кнопками и линзами, — все хотели снимать.

— Но это же невозможно. Нельзя сделать фильм с одними только операторами. Что у нас может получиться, если все будут только снимать?

— А почему, все? — закричал Басманцев. — Конечно, всем нельзя. Есть, которые и фотографировать не умеют. У меня, например, есть фотоаппарат, значит мне можно.

— У кого ещё есть фотоаппараты?

— У меня, — хором крикнули Глеб и Косминский.

— У меня даже с собой, — сказал Косминский, открывая портфель. — Я как раз сегодня подумал — вдруг мне захочется поснимать.

— Мало ли что тебе захочется, — сказал Дергачёв. — Мало ли что у вас есть. Мы все хотим снимать.

— Да-да, мы все!

— Мы научимся!

— Пусть они не воображают.

— Дина Борисовна, давайте все!

— Хорошо, — сказала Дина Борисовна, поднимая руку. — Давайте все. Мы сделаем вот что. Пусть каждый снимет маленький кусочек. Что-нибудь такое, что ему самому понравится в нашем городе или дома — где угодно. А потом мы подумаем, как их все склеить, чтобы получился фильм. Тут главное, чтобы каждый снял что-нибудь самое любимое, — тогда всё получится хорошо.

— Чур, я первая! — крикнула Сумкина. — Я сниму нашего Тобику — он мне очень нравится.

— А я — салют.

— Мотокросс!

— Футбол!

«Ну уж нет, — подумал

Глеб. — Только не Семёнову».

— А можно, у нас дома новый приёмник — очень красивый.

— Лучше телевизор, если что-нибудь интересное.

— Только не торопитесь, — сказала Дина Борисовна. — У вас ещё будет время подумать. Нужно выбрать самое лучшее — ведь один только раз. Поняли?

— Поняли, — хором ответили ребята.

— А теперь слушайте внимательно — я буду объяснять, как нужно обращаться с аппаратом.

Вечером в спортзале занимались гимнасты. Несколько жильцов из дома напротив сидели у своих окон и с удовольствием смотрели через улицу на ребят, как они прыгают и раскачиваются на кольцах, будто это были какие-нибудь настоящие соревнования на первенство города или вообще футбол. После гимнастов должны были заниматься фехтовальщики, они уже толпились в дверях и в нетерпении позвякивали рапирами, а жильцы в доме напротив оглядывались и подзывали других — очевидно, говорили, что сейчас будет ещё интереснее.

— Ну, ребята, на сегодня всё. Построидись, — командовал тренер. — В раздевалку, шагом марш!

В раздевалке Басманцев сказал:

— Я уже точно решил — буду снимать прыжки через коня. Это лучше всего. Вот только не знаю, какие луч-

ше — с трамплина или без трамплина. Хорошо бы и то и другое.

— А я папу, — сказал Косминский. — Мой папа пианист. Он мне больше всех нравится.

— Подумаешь, пианист!

— Да, а зато знаешь, какие у него пальцы? Он может одной рукой унести сразу пять бутылок лимонада — в каждом пальце по бутылке, вот как.

— А английский язык он знает? — спросил Глеб.

— Наверно, знает. А что?

— Да нет, так просто.

— И зачем только ремонтируют ботинки, — сказал Басманцев, обуваясь. — Вот ходил я в них, всё было нормально, а теперь зачем-то отремонтировали, и я с непривычки так спотыкаюсь — весь город расковырял.

Они кончили одеваться и вышли на улицу. Идти им нужно было всем троим в разные стороны, но после тренировки так хорошо гудело в руках и ногах, так ярко и по-новому виделась знакомая улица с высокими освещёнными по пояс домами и так не хотелось, чтобы всё это кончилось, что Глеб взмахнул чемоданчиком и спросил:

— Пошли, что ли?

— Пошли, конечно, пошли.

И они вместе пошли туда, где никто из них не жил и где вообще никто жить не мог, потому что там был городской парк и в нём такие голубенькие киоски, а в киосках продавался лимонад.

— Знаешь, Глеб, — сказал

Косминский, тряся бутылку, чтобы она посильнее шипела, — твоего Сеньку сегодня побили. То есть не побили, но вообще он там дрался — я видел.

— Это, наверно, с Женькой Карташовым. Как же его побили? Он ведь специально занимался, приёмчики учил.

— Да, сначала он пытался приёмчиком, но тот Карташов, видно, здорово трусил и всё вырывался. Он так сильно вырывался, что твой Сенька вдруг упал. Тут уж они и подрались просто так, без приёмчиков, — не понять даже, кто победил.

— Не доучился, значит, — сказал Глеб.

— Да бросьте вы об этой ерунде, — сказал Басманцев. — Давайте лучше о деле — кто сегодня снимал? Чья была очередь?

— Сегодня Сумкина, — сказал Глеб. — Я ей помогал. Она хотела снять Тобику, как он служит и всё такое, но тут пришла её мама и говорит, ах, вы уже снимаете, подождите, я переоденусь и что ж ты меня не предупредила, я бы зашла в парикмахерскую. Сумкина растерялась и говорит, почему ты так рано, у тебя же собрание, а та говорит, отменили собрание, и пришлось её снимать, а не Тобику.

— Да, родители всегда влезут, — сказал Басманцев. — Мои даже сначала не верили, что нам дадут киноаппарат, говорят, будто мне никто не доверит. Зато, когда увидели,

начали так уважать, расспрашивают обо всём, отец даже сказал, что возьмёт теперь на охоту, теперь, говорит, вижу, что тебе можно поручить серьёзное дело. Наконец-то до него дошло.

— А Свиристелкин опять хвалился, что всех насмешит.

Такую, говорит, хохму снял, все упадут со стульев.

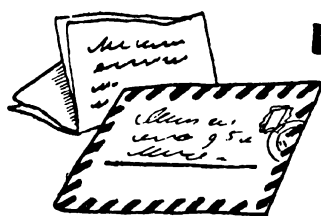
— Ладно, в субботу увидим, что он там снял.

— Да, в субботу интересно будет. Значит, в пять часов.

— Точно в пять.

— Ну, пока.

— Пока.

НЕВОЗМОЖНО ПЕРЕВЕСТИ

— СЕНЬКА, ты чего? — спросил Глеб.

— Чего?

— Стоишь тут, высматриваешь. Кого ты высматриваешь?

— А что, нельзя, что ли?

— Да ты уже третий день в окно смотришь. Думаешь, я не вижу?

— Ну и видь себе на здоровье.

— Ты что, с Женькой дрались?

— А ты откуда знаешь?

— Я знаю. Что ж ты приёмчиком его не взял? Не доучился, что ли? Надо было как следует выучить, походить ещё месяца два, а так быстро, конечно, не научишься.

— Да я хотел подольше походить, а потом мне без него как-то скучно стало, и я решил поскорее. Не утерпел.

— Видишь. Ты походи ещё, научись как следует. Или, хочешь, я сам надаю?

— Нет, я больше не хочу с ним драться. Я теперь мириться хочу. Знаешь, как без него скучно...

— Ну так помирись, чего ж ты?

— А я не умею. И кружка такого нет, где учат мириться.

— Какой ещё кружок. Помирись, и всё тут.

— А как? Вот смотри, я ему записку написал.

Глеб взял записку и прочёл: «Женька, если ты будешь дразниться, я тебе ещё не так дам».

— Ну что, по-моему всё правильно. Только «дразниться» с мягким знаком.

— Да, правильно. А ты посмотри ответ.

На обороте было написано: «Я тебе сам дам».

— Видал, — сказал Сенька, — вот и мирись с такими.

ЗЕНУКОВ, Басманцев и Косминский назывались директорами картины и в пять часов должны были собраться в школьной фотолаборатории,

чтобы проявлять первые плёнки. Глеб пришёл в школу раньше всех. Была вторая смена, шёл урок, и по тихому коридору две девочки несли в кабинет физики ведро снега. Было совершенно непонятно, где они могли его накопать, если на улице уже настоящая весна.

Дина Борисовна вошла сразу же вслед за Глебом и сказала:

— Здравствуй, Глеб. Какой-то ты сегодня высокий.

— Да нет, это ещё что, — скромно ответил Глеб. — Вот вчера я был — так это да. Дина Борисовна, а вы знаете английский язык?

— Не очень хорошо, но читать могу. А что?

— Да нет, это я так.

— Нет, ты не думай, — сказала Дина Борисовна, будто оправдываясь. — Я и писать умею, только не очень быстро и с ошибками.

— Да что вы, я понимаю.

Когда пришли остальные, Дина Борисовна начала показывать, как нужно готовить проявители, как вставлять плёнку в бачок и потом вынимать, чтобы не повредить эмульсии. Ребята изо всех сил старались ничего не упустить и не испортить. Глебу нужно было приготовить 500 кубических сантиметров воды, и он то отливал, то доливал, то ему казалось, что мензурка стоит криво, то вода была не очень чистая, и все его ждали, пока, наконец, Дина Борисовна не сказала, что такая точность здесь, наверное, не нужна.

Когда зарядили первый бачок и зажгли свет, вдруг пришел Сергияковлич.

— Слышал, слышал, — сказал он Дине Борисовне. — Это вы очень интересно придумали — кино! Молодцы. А о чём будет фильм, уже решили?

— Это пока секрет, — ответила Дина Борисовна. — Мы закончим к празднику и тогда покажем.

— Ну, раз секрет, тогда молчу. Но всё равно очень рад за вас. Я уверен, что у вас всё получится. А это что, помощники?

— Да, дирекция.

— Ну давайте, дирекция, работайте как следует, чтобы мне на вас не жаловались. А не то смотрите у меня.

Как только он ушёл, Глеб вылил воду из мензурки и отошёл к окну. Косминский немного подумал и ушёл за ним.

— Вы чего? — спросила Дина Борисовна.

— Так. Расхотелось чего-то, — ответил Глеб.

— Нам и так интересно. Правда, Глеб? — сказал Косминский. — А он грозится. Будто нас заставляют, а мы не хотим.

— Да это он совсем не вам сказал. Это он обо мне так заботится, хочет мне помочь. По-моему, он очень внимательный.

— Да, об отстающих он всегда заботится. Если у кого двойка или с поведением плохо или задавили, он всегда и поговорит и про домашние условия расспросит, а так...

— Да ладно вам, — сказал

Басманцев. — Подумаешь, какие чувствительные. Идите лучше смотреть, как получилось, — пора вынимать.

Первые плёнки вышли отлично. Кадрики были очень маленькие, и ещё невозможно было понять, что на них снято, но всё равно Дина Борисовна сказала, что хорошо и съёмка «качественная». Когда расходились домой, Глеб вдруг оставил ребят и побежал за Диной Борисовной.

— Дина Борисовна, — сказал он, догоняя и протягивая ей конверт, — переведите мне, пожалуйста, письмо.

— Так вот в чём дело. Вот зачем ты спрашивал. Ну, хорошо, только давай где-нибудь сядем.

Рядом как раз была зубо-врачебная поликлиника, и они вошли туда и сели в кресла для ожидающих. Дина Борисовна, быстро двигая ресницами, пробежала первые строчки, потом отвернулась от Глеба и продолжала читать так, чтобы он не видел её лица. Глеб тихо сидел, зажав руки между колен, и ему было

страшно, будто он действительно пришёл к зубному врачу, и вот уже подошла очередь, и сейчас из дверей выйдет перекошенный, держащийся за щёку человек и одной стороной рта скажет, ни на кого не глядя, «следующий», а следующий это он, Глеб. Дина Борисовна, видимо, уже кончила читать, но всё сидела и о чём-то думала. Наконец, она обернулась и сказала:

— Знаешь, Глеб, я не буду переводить тебе это письмо. Сейчас мне трудно объяснить тебе почему, но позже ты и сам поймёшь, что лучше прочесть его самому, — иначе всё пропадёт. Одно могу тебе сказать — это очень хорошее письмо. Стоит выучить английский язык, только чтобы прочесть его. Я тебе даже завидую, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Глеб, хотя ничего не понимал и только чувствовал, что всё ужасно хорошо и интересно.

— Понимаю! — повторил он уже в дверях. — Конечно, я его выучу, этот английский, вот увидите!

Д О Ж Д Ь

В ВОСКРЕ-
СЕНЬЕ
договорились
двумя клас-
сами идти в музей, а Глеб опоздал. Он не проспал, и ничего не случилось с ним такого, что могло бы помешать, и всё рав-

но, он опоздал. Сначала времени было очень много — целый час, потом опять много — сорок минут, а потом оно вдруг начало быстро-быстро куда-то исчезать, его еле хватило, чтобы почистить ботинки, и, когда Глеб выбежал из

дому, уже оставалось только десять минут, а когда сел в троллейбус, время кончилось, и ребята вслед за Диной Борисовной пошли по залам музея.

В музее над кассами прямо из стены выглядывали бородастые головы с пустыми глазами. Глеб купил себе самый дешёвый билет для учащихся, солдат и пенсионеров, обернулся и вдруг слева, около квадратной колонны, увидел Семёнову.

— Здравствуй, — сказал Глеб. — Ты что здесь? А остальные?

— Они уже ушли, — сказала Семёнова.

— А ты почему не пошла?

— Я тут забыла одну вещь... в пальто. У меня в пальто путеводитель.

— Путеводитель? Хочешь, я его достану — давай твой номерок.

— Нет, подожди... В пальто его, кажется, нет. Наверно, я его дома оставила.

— Ну, всё равно, идём без путеводителя. Может, мы их ещё догоним.

Они поднялись по мраморной лестнице и вошли в большой зал, из которого во все стороны расходились экскурсии.

— Куда же теперь? — спросила Семёнова. — Без путеводителя я не знаю.

— Пойдём просто так. Нужно туда, где картины. Я помню, Дина Борисовна говорила, что будем смотреть картины.

Но картины были всюду. На

стенах и потолках, квадратные и круглые, маленькие и огромные, такие, которые даже трудно себе представить, как были написаны, — или художник имел очень длинные кисти, или ему приходилось класть холст на пол и ходить по нему, постепенно закрашивая свои следы. У некоторых картин останавливались экскурсоводы и подробно объясняли толпящимся зрителям художественные достоинства и кого хотел разоблачить художник в своём произведении.

Глеб взял Семёнову за руку и уверенно пошёл по длинной галерее, будто он, наконец, вспомнил, куда нужно идти. В галерее стояли рыцарские доспехи, и под ними было написано, что все они из XIII века.

— Это когда Роджер Бэкон, — сказал Глеб. — Слыхала про Бэкона?

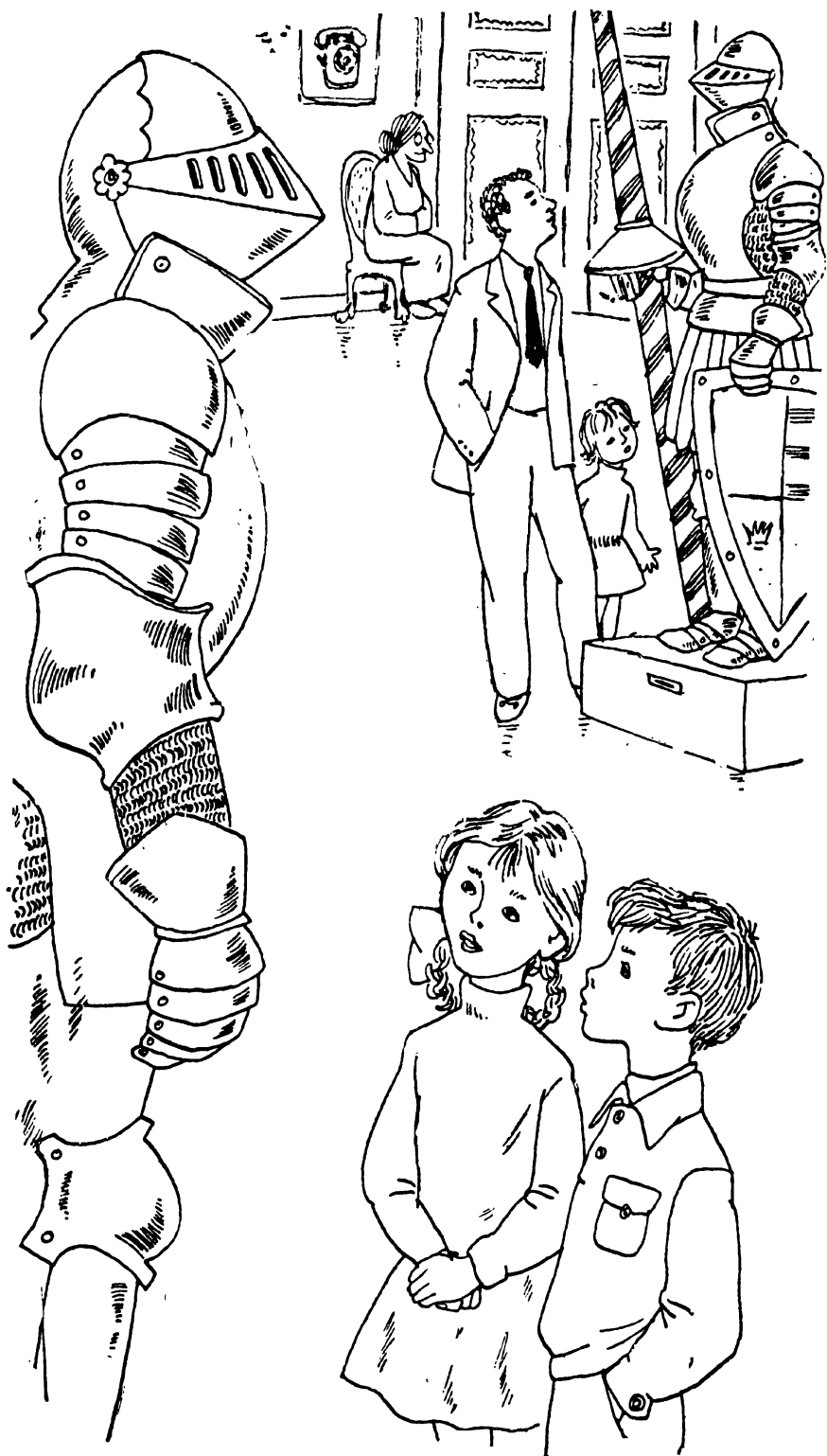
— Нет, не слыхала. Ты меня уже второй раз спрашиваешь, а я не виновата, если нам не рассказывали. Зато ты не знаешь, как зовут Гулливера.

— Так и зовут — Гулливер. Как же еще? В стране лилипутов.

— Эх ты, читал, а не знаешь. Это фамилия Гулливер, а зовут его Лемюэль. Все читали, а никто не помнит.

— Я давно читал, — сказал Глеб, но всё равно ему стало стыдно, что он забыл.

Рядом с доспехами в специальных витринах под стеклом помещались старинные пистолеты, шляпы с перьями,

а в одной даже лежал карандаш, весь изгрызенный великим полководцем. За рыцарями снова пошли картины, и около одной Семёнова вдруг остановилась и положила руки себе на плечи — крест-накрест, словно ей стало холодно.

— Как мне нравится, — сказала она.

На картине была нарисована очень плохая погода, а внизу на табличке написано «Дожди» и ещё ниже что-то не по-русски.

— А это что? — спросил Глеб.

— Это то же самое — «дожди», только по-английски.

— А ты знаешь английский?

Глеб спросил и тут же сам испугался — вдруг она скажет, что знает, и тогда нужно будет спрашивать уже и дальше про письмо и про всё остальное, про что и думать-то не получалось, не то что сказать словами.

— Нет, — сказала Семёнова и ужасно покраснела. — Это я так просто догадалась. Может, это совсем другое.

— Ясное дело, откуда же тебе знать, — сказал Глеб и тоже покраснел. — Конечно, ты не знаешь — не можешь ты знать, мы же учим немецкий.

Дальше они пошли молча и теперь уже часто останавливались у картин, которые им нравились. Больше всего они простояли у картины с японцем. Она была просто невероятной красивой, хотя ничего особенного там не происходи-

ло — просто сидит японец и думает свои японские мысли.

— Всё-таки жалко, что мы не нашли остальных, — сказал Глеб, когда они выходили из музея. — Дина Борисовна бы нам всё рассказала. Знаешь, как она рассказывает. Она ужасно переживает за всех людей, даже за тех, которых не знает, даже из тринадцатого века. Её очень интересно слушать — сам начинаешь за всё переживать.

— Да, — сказала Семёнова, — и у нас сосед такой же. Пирогов. Он вчера читал какую-то книгу и всё вскрикивал. Я посмотрела — там про туземцев на острове Пасхи. Ведь он уже старый и никогда на этот остров не поедет — какое ему дело, а вот читает и вскрикивает. Его тоже интересно слушать.

— Да, бывают такие. Надо бы их познакомить.

Они стояли на верхних ступеньках музея и шурились, привыкая к солнцу на улице. Внизу гулял детский сад. Напротив, рядом с магазином, продавали капусту, такую фиолетовую, будто она плавала в чернилах. Потом из подворотни выехал грузовик и понёсся по улице, а проволочные ящики для бутылок метались в его кузове и бились друг о друга с ужасным звоном. Когда он проехал, стало слышно, что в небе гудит самолёт, и дети внизу задрали головы и так, глядя в небо, побрели кто куда, волоча ноги и спотыкаясь о прохожих.

— Ну, что,— сказал Глеб.— Пора домой.

— Нет,— быстро сказала Семёнова.— Видишь, сейчас будет дождь. Надо его переждать.

— Откуда же дождь?

— Конечно будет. Давай забежим в тир. Это совсем рядом, здесь, за углом.

Они пришли в тир и выстрелили каждый по пять раз. Глеб целился очень долго, но попал только в самое лёгкое — в гуся. Зато Семёнова попала все пять раз. Стреляла она просто здорово — теперь понятно, почему ей понадобилось идти в тир.

— Ну всё,— сказала она, выходя.— Теперь можно и домой.

— Нет,— сказал Глеб,— дождь ведь ещё не прошёл. Сейчас только начнётся. Нужно где-нибудь спрятаться.

— А где?

— Давай в кино, в «Хронику». У меня есть ещё целый рубль.

В «Хронике» контролёры были отменены — стоял ящик для билетов, а рядом с ним сидела белая кошка с грязным носом и следила за входившими недоверчивыми глазами. Когда Глеб и Семёнова сели на свои места, свет уже начал гаснуть, и последние зрители перебегали по проходу, пригнувшись, как разведчики.

— Семёнова,— тихо спросил Глеб.— Ты, правда, не знаешь английского?

— Немножко знаю,— прошептала Семёнова.

— Я тогда тоже выучу, ладно?

— Ладно,— сказала Семёнова.

Им вдруг стало ужасно весело. На экране ещё не было ничего смешного, а они всё равно смеялись и не могли удержаться. Даже когда показывали аварию самолёта в Бразилии и наводнение в Голландии. Хорошо ещё, что никто не заметил, а то бы начали говорить, что какие бессердечные дети, и вот растишь их, растишь, а они всё равно такие бессердечные. И, выходя на улицу, они так хохотали, что некоторые прохожие сворачивали и шли в кино — думали, что это показывают такую смешную хронику.

— Ну, сейчас и полёт! — сквозь смех сказал Глеб.— Ну и запустит!

— Ага, на меня уже капает. Где же мой новый зонтик?

— А вон стоит — видишь, под ним уже продают газировку.

— Ну да, это мой зонтик. Слышите, сейчас же отдайте.

От смеха они не могли стоять и перебирали ногами на месте.

— Ну, бежим прятаться.

— Бежим.

И они побежали в библиотеку, посмотрели там новые книги и журналы, потом в пыточной пили чай с ватрушками, потом ходили по магазинам и делали друг другу дорогие подарки, потом шли домой через мост, и Семёнова хотела смотреть на воду, а Глеб ей не давал, тогда она убежала на

другую сторону, и так они шли, каждый глядя на свою воду, иногда переглядываясь и

смеясь, и домой пришли уже в настоящей темноте, а дождя так и не было.

СНИМАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ

НА ЭКРАНЕ ясно были видны стоящие и идущие ноги, и перед ними прямо из земли вырывался вечный огонь.

— Ну, это я знаю кто, — сказал Глеб. — Это Бурыгин. Ему нравится, когда горит. Он и сам вечно что-нибудь жжёт.

— Ага, чудак какой-то — зажжёт спичку и смотрит. Поджигатель.

— Не надо было ему и плёнку давать — зря только испортил, — сказал Басманцев.

Они сидели в кабинете физики и на маленьком экранчике просматривали уже готовые плёнки. Дина Борисовна записывала в тетрадку, что снято на каждом куске, чтобы потом всё собрать и обдумать, можно ли склеить из них фильм. Пока это казалось совершенно невозможным — такие разные вещи нравились ученикам 6-б класса. На одной плёнке, например, были сняты поливальные машины, на другой — различные звери в зоопарке и орёл с расставленными лапами, будто в штанишках,

на третьей — какой-то неизвестный старик с морщинами на лбу. У него были такие замечательные морщины и он так ловко ими двигал, что получались отдельные буквы и даже некоторые слова. На многих плёнках было вообще не понять что — метались смутные тени и по всему экрану вспыхивали белые пятна. Четыре человека сняли Дину Борисовну: в школьном коридоре, на улице, в музее и даже около её института, рядом с бородатым студентом. На ней было накинуто пальто, а студент шёл рядом, держась за пустой рукав, прижимая его к груди, и что-то говорил, смеясь и близко заглядывая ей в лицо. Глебу стало неловко смотреть на них вот так вместе со всеми и в то же время хотелось, чтобы показали и дальше, когда они начнут целоваться и откидывать волосы с лица друг друга, как это всегда показывают в настоящем кино. В темноте нельзя было понять, сердится Дина Борисовна или смеётся, или просто вспоминает, где они так ходили и что он ей говорил в тот раз.

— А это ещё что такое? — спросила она, когда появились перевёрнутые деревья. Они были очень хорошо сняты,

можно было рассмотреть даже почки и капельки воды на ветках — очень красивые деревья, только перевернутые вверх ногами.

— Это, наверно, Толян, — сказал Глеб. — Я так и думал, что он всё сделает назло. Но зато здорово снято — лучше всех.

— Кому же это назло? — спросила Дина Борисовна. — Неужели мне? За что?

— Да нет, не вам, конечно. Это он всегда такой — что-нибудь назло. Я, говорит, страшно зол, не пойму только на кого. Вот когда пойму, тогда уж я ему, говорит, покажу, а пока это всё так, шуточки.

Дина Борисовна включила свет и прочла вслух названия всех кусков, которые были сняты. Они начали придумывать, как бы всё связать, чтобы получился фильм, и, конечно, лучше всех придумала Дина Борисовна. Она сказала, что пусть будет, как будто мальчик проснулся утром и вот что он увидел и сделал за один день. Начать можно с пустых утренних трамваев, которые снял со своего балкона Дергачёв, и потом поливалки на улице, и школа, и вечный огонь — всё отлично приклеивалось одно к другому. Глеб обрадовался этому, наверно, больше всех. Ему до сих пор казалось, что опять у них всё сорвётся и, главное, что у Дины Борисовны. А теперь он был так рад и горд — будто он сам придумал такой замечательный сюжет.

— Какой фильм получится — просто прелесть, — зажмурясь, сказала Дина Борисовна. — Только бы успеть, а то времени у нас всего ничего.

Глебу дали резать плёнку. Косминский писал названия и прицеплял их к каждому кусочку, а Басманцев всё склеивал в таком порядке, как говорила Дина Борисовна. Пока они работали, пришёл ещё Дергачёв и попросился помогать, но ему не дали.

— Дина Борисовна, — сказал он. — Вот я прочёл вашу книгу. Спасибо.

— Ну что, понравилось тебе?

— Да, очень понравилось. Я её за три дня прочёл — не мог оторваться. Так интересно, и переживаешь здорово, а кого нужно убить — непонятно. Все вроде хорошие.

— Вот видишь, вот видишь, — сказала Дина Борисовна.

— Да, вижу. Только я ещё хотел вам сказать — можно?

— Конечно, давай. Выкладывай все свои мысли.

— Нет, я уже не мысли. Можно я пересниму свою плёнку? Мне сегодня одна вещь больше понравилась, — я хочу теперь её снять вместо трамваев.

— Ну вот, — воскликнула Дина Борисовна, — я так и знала, что кто-нибудь передумает. Разве ты не знаешь, что мы и так опаздываем.

— Знаю, только я быстренько — хоть сейчас. Вы же сами говорили, что нужно самое лучшее.

— Но у тебя такие красивые трамваи, и когда поворачивают, у них солнце бьёт из окон. Мы их уже вклеили первым кадром.

— Нет, а есть ещё лучше. Я видел.

— Ну хорошо, расскажи, что ты видел.

— Я ехал в автобусе и смотрел через верхнее стекло — мне это страшно понравилось. Сначала видны провода и светофоры, а выше дома — все дома нашей улицы, а я их не мог узнать, будто попал в другой город. Можно я вот так сниму — через верхнее стекло.

— Да они закопчённые всегда, — сказал Глеб. — Через них ничего не видно. Разве только солнечное затмение.

— Нет, бывают и чистые.

— Дина Борисовна, что дальше клеить? — спросил Басманцев.

— Подожди, Федя, тут Дергачёв хочет переснимать.

— Да мало ли что он хочет! Работали, работали, и вдруг является. Что ж нам теперь его одного ждать, да?

— А я не один, — сказал Дергачёв. — Нас там много. За дверью.

Он подошёл к двери, открыл её, и в кабинет, прячась друг за друга, вошли Свиристелкин, Сумкина и ещё несколько человек.

— Ну, — грозно сказал Басманцев, — и вы тоже?

— Я хотела Тобика, и Глеб тоже видел, мы только приготовились, а потом пришла мама, — быстро заговорила Сумкина. — А маму я, конечно,

больше люблю, пусть не думают, что только она для меня всё делает, а я для неё ничего, а всё для Тобика...

— Да подожди ты со своим Тобиком, — сказал Дергачёв, — не в Тобике дело. Дина Борисовна, мы же не виноваты, что сначала нравилось одно, а теперь уже другое. Можно, мы переделаем?

Дина Борисовна молчала и глядела в сторону на блестящий шарик прибора, будто хотела рассмотреть положительный заряд внутри его.

— Ну что, смеялись? — прошептал Свиристелкин.

— Когда? — спросил Глеб.

— Когда она с бородатым. Это я снимал.

— Так это ты. Да, здорово смеялись. Прямо катались от смеха.

— И вот опять я чего-то недодумала, — сказала Дина Борисовна. — Конечно, с каждым днём вам будут нравиться всё новые и новые вещи — с этим уже ничего не делаешь. Вот сейчас я вам разрешу, а завтра вы опять придёте и скажете, что вам ещё что-то понравилось, что тогда?

— Нет, мы не придём.

— Нам больше уже ничего не понравится.

— Ничего в жизни? Плохо тогда вам придётся.

— Ну не в жизни, а ещё не скоро.

— Разрешите нам, Дина Борисовна.

— Слишком много всего оказалось, — сказал Дерга-

чѐв. — Я бы только снимал и снимал.

— Хорошо, — сказала Дина

Борисовна. — Я разрешаю, только это уже пойдёт в следующий фильм.

КОНТРОЛЬНЫЙ УРОК

Н Е П О Н Я Т Н О было, откуда все узнали, что будет контрольный урок для Дины Борисовны, — сама она никого не предупре-

ждала. К этому уроку готовились за два дня, повторили все старые параграфы, а новые заучили почти наизусть. Басманцев даже предложил мелко-мелко написать на картах трудные даты, фамилии и порядковые номера королей, а Косминский принёс с собой толстенный том под названием «История русских тюрем» — вдруг спросят про тюрьмы, тогда и пригодится.

Дина Борисовна пришла такая же, как и в первый раз, — чѐрная и с белым воротником. За ней вошла Татьяна Васильевна и ещё одна неизвестная учительница или кто — очень тонкая, в зелёном пиджаке со значком на отвороте и чем-то похожая на немецкого офицера из кинофильма. Они сели на заднюю парту, немного пошептались и начали озабоченно оглядывать весь класс, словно кого-то искали.

Первым Дина Борисовна вызвала Косминского. Она пы-

талась сделать вид, будто ей безразлично всё, что происходит, и от этого сразу становилось ясно, как она волнуется — раньше у неё никогда не бывало такого безразличного вида. Косминский отвечал сначала хорошо, но под конец начал путать Яна Гуса и Яна Жижку — то у него Яна Гуса сожгли, то он вдруг опять ожил и повёл своих гуситов против немцев — ничего нельзя было понять, а Дина Борисовна его всё не поправляла. Глеб исподтишка махал ему руками и закрывал пальцами один глаз, чтобы напомнить про Яна Жижку, потом оглянулся и увидел, как учительница со значком что-то пишет у себя в блокноте, а Татьяна Васильевна шепчет ей на ухо и тоже пишет.

«Эх, Косминский, — подумал Глеб, — ну что ты надделал. Ох, я тебе и дам же после урока».

В это время Косминский кончил, и Дина Борисовна сказала:

— Молодец, отлично. Только я немного не поняла, кто же был полководцем гуситов?

Косминский удивлённо посмотрел на неё, потом глаза у него вдруг начали расширяться — видимо, он вспомнил и заорал:

— Да нет же, нет! Это Ян Жижка, Дина Борисовна, Ян Жижка был полководцем!

— Ну хорошо, я так и поняла, что ты оговорился, — конечно, Ян Жижка.

Но Косминский никак не мог успокоиться и, садясь на место, всё стучал себя по лбу и бормотал:

— Я же знал, что Ян Жижка, одноглазый такой, железный слепец...

Потом вызвали ещё двоих, и они тоже получили пятёрки. Дина Борисовна, видимо, немного успокоилась и новый материал начала вовремя. Она говорила медленно, стараясь не увлекаться, и по правде сказать, это было не так интересно, как тогда на первом уроке про Роджера Бэкона.

«Уж если тогда поставили пару, что же будет теперь?» — подумал Глеб.

Он опять оглянулся на учительницу со значком, но ничего не мог понять по её лицу. В классе было очень тихо, все внимательно слушали, только Косминский время от времени переживал и качал головой. Некоторые держали на парте открытые учебники, будто собирались подсказывать Дине Борисовне, если она что-нибудь забудет или неправильно назовёт дату. Когда урок кончился, Татьяна Васильевна и незнакомая учительница сразу вышли из класса, а Дина Борисовна немного задержалась, но все почему-то испуганно молчали, и так она дошла до двери среди полного молчания — словно произошёл

несчастный случай или кто-то умер.

Глеб выглянул в коридор и увидел, как они все трое вошли в кабинет Сергияковлича.

— Кто со мной, айда! — закричал он и побежал вниз по лестнице, а за ним побежали ещё несколько человек. Они выскочили на улицу и окружили телефонную будку, из которой звонили уже несколько раз, когда нужно было узнать, что происходит в кабинете.

— Слушаю, — сказал в трубке Сергияковлич.

— Не откажите в любезности, — сказал Глеб настоящим басом, ни у кого в классе так не получалось. — Попросите, пожалуйста, к телефону Андрея Афанасьевича.

Андрей Афанасьевич как раз должен был находиться в другом конце школы, и пока его найдут, пока он дойдёт до кабинета, трубка будет лежать рядом с телефоном и всё будет слышно.

— Хорошо, — сказал Сергияковлич. — Сейчас я кого-нибудь pošлю.

Трубка громко стукнулась о стекло на столе, и сразу же Глеб услышал голос Татьяны Васильевны.

— ...И методически это было не совсем верно, — говорила она. — Я бы обязательно сделала в этом месте нажим, как вы думаете?

— Пожалуй, — сказала незнакомая учительница. — Но тут ещё другое. Мне показалось, что дети у вас запуганные — никто не перешёптывался, не вертелся, и потом этот

мальчик, как он испугался, когда ошибся. Не надо было их так запугивать.

— Во даёт! — прошептал Глеб. — Говорит, что мы запуганные.

— Ну, а в общем-то как, в общем? — спросил Сергияковлич.

— По-моему, вполне можно поставить четвёрку, — сказала незнакомая учительница.

— Конечно, конечно, четвёрку, никак не меньше.

Глеб поднял четыре пальца и тут же быстро прикрыл ладонью трубку, чтобы на том конце не услышали, как закричали и радостно засвистели около телефонной будки.

— Ну, поздравляю, поздравляю вас, — говорил Сергияковлич, — я был уверен, что у вас всё будет в порядке — не надо только бояться. Вот и прекрасно, я очень рад за вас. А вы сами рады? Довольны?

— Да, конечно, — сказала Дина Борисовна, но голос у неё был не очень весёлый. — Я вам очень благодарна, вы так за меня болели всё время. Только знаете, сегодня я по-

чувствовала одну неприятную вещь. Может, это покажется странным, но мне было стыдно ставить им отметки — будто раздаёшь какие-то призы.

— Да, это действительно странно. Как же можно без отметок?

— Нет, я, конечно, понимаю, что без них, наверно, нельзя, но вот у меня было такое чувство. И потом, кажется, я не очень хорошо рассказывала.

— Нет, рассказывали вы неплохо. Только вот дети — они очень запуганные, — повторила учительница со значком.

— Да никакие мы не запуганные! — закричал Глеб.

— Что вы сказали? — спросил Сергияковлич, поднимая трубку. — А вот как раз и Андрей Афанасьевич.

— Не надо нам Андрея Афанасьевича. Никакие мы не запуганные.

— Ах... это вы.

— Да, это мы. Мы не запуганные! Мы исторические, вот какие! — крикнул Глеб своим настоящим голосом и повесил трубку.

От Верхнеигринска до Куракина река разбивается на сетку узких протоков. Крайнюю правую расчищают землечерпалки, и по ней ходят большие пароходы. Остальные мелководны, по ним может плавать только «Комсомолец».

«Комсомолец» — трудолюбивый пароходик. От ранней весны до поздней осени висит в воздухе его голосок. То он баржу толкает, то тащит за собою плот, то перевозит пассажиров.

Обслуживают «Комсомольца» два старых речника: капитан Николай Петрович Галкин, он же рулевой и матрос, и механик Степан Васильевич Колосников, он же машинист и кочегар. Летом, когда кончаются в школе занятия, появляется ещё один член экипажа пароходика — юнга Сенька Поспелов.

Сенька Поспелов шустрый паренёк. Он принимает чалки, шурует в топке «Комсомольца», драит медяшки, моет палубу, иногда даже под при-
смотром Колосникова управ-

ляет машиной. Но, пожалуй, больше всего он любит мерять глубину.

— Сенька, глубину! — зовёт его Галкин, когда «Комсомолец» подходит к опасному перекату.

— Сейчас, Николай Петрович, — отвечает Сенька и в одних трусиках прыгает за борт.

— От пострел! — ворчит Галкин. — Нет того, чтобы взять наметку...

Но Сенька его не слышит. Поднимая перед собой сверкающие брызги, он идёт по дну переката.

— Николай Петрович, — кричит мальчик, — здесь по пузо!

— Малый ход, Степан Васильевич, — командует Галкин, и «Комсомолец» осторожно пробирается вперёд.

Сенька идёт по перекату дальше. Упругая струя толкает его в грудь. Чтобы не упасть, он загребаёт руками.

— Николай Петрович, здесь по шею! — звенит его голос над водой.

— Добавь ходу, Васильич, — командует Галкин.

— Николай Петрович, здесь... здесь... — захлёбывается и кашляет Сенька — с... с... головой.

— Полный ход, Степан Васильевич!

Сенька хорошо изучил речку. Знает, где какая протока впадает в другую, где малая скорость течения, где большая. С каким бы удовольствием он постоял за рулём!

— Николай Петрович, — просит мальчик, — дайте я повожу малость «Комсомольца».

Отказывать неудобно: уж больно старательный паренёк. А допустить к штурвалу боязно. Вдруг посадит судно на мель!

— Слышь, Васильич, — обращается Галкин за помощью к Колосникову, — Сементий хочет управлять судном. Нешто дать попробовать ему на капитанском месте?

— А теорию он знает? — хитро подмигивает Колосников. — Коли знает — дай.

— Теорию судовождения знаешь? — обращается Галкин к Сеньке.

— Знаю.

— Ну?! Скажи тогда, как ты будешь вести судно против течения?

— А какое судно — с возом или без воза?

— Ну, предположим, без воза.

— Как? Обыкновенно. У отмелого берега. Здесь течение слабее, скорость будет больше.

— Ну, а как будешь вести вниз?

— А какое — с возом или без воза?

— Ну, предположим, с возом.

— Поближе к крутому берегу, здесь течение сильнее, и, значит, скорее придём.

— Не угадал! Пойдёшь у яра, а баржу или плот развернёт течением да так саданёт о берег, что и обломков не соберёшь... Когда с возом идёшь вниз, надо выходить на стре-

жень. Понял? На стрежень! Ну, а коли без воза, то ты прав.

— А устройство судна ты знаешь? — задаёт вопрос Колосников. — Хороший капитан должен знать устройство судна как дважды два. Без этого он не капитан. Зачем вот у нас в трюме по бортам железные ящики?

— Для плавучести, Степан Васильевич. Чтобы судно лучше держалось на воде.

— Вот и не угадал. Это топливные танки. В них раньше держали нефть, когда котёл работал на жидком топливе.

— Ну, так как, Сементий, — знаешь теорию? — спрашивает Галкин.

Сенька смущённо молчит.

— Вот видишь, браток, теорию пока ты плохо знаешь. Значит, рановато тебя допустить на капитанский мостик. Поучиться ещё надо... Верно, Степан Васильич? — Галкин довольно улыбнулся, глянул на берег. — Никак опять к перекату подходим? Сенька, глубину!

— Шустрый мальчонка, — говорит Колосников. — Через год-два заткнёт нас за пояс.

Но случилось так, что это произошло значительно раньше.

Как-то «Комсомолец» прибыл на остров Ольховый. Здесь находился посёлок из пятнадцати домов и островной Совет. Работы в ближайшие двое суток не предвиделось, и Николай Петрович вместе со Степаном Васильевичем решили съездить в Куракино — по-

видать семьи. За хозяина на «Комсомольце» остался Сенька.

Он погасил огонь в топке, вычистил кочегарку, вымыл палубу, надраил медяшки до солнечного блеска. Потом стал на капитанское место и почти час крутил штурвал, воображая, что он ведёт «Комсомольца». Устав от этой игры, он проверил, хорошо ли держат чалки, забрался в крохотную каюту судна и стал читать книгу «Речная навигация».

— Николай Петрович! Капитан Галкин! — слышались крики на берегу.

Сенька выглянул из каюты. На пирсе стоял председатель островного Совета Кирилл Борисович, а рядом с ним женщина с ребёнком на руках. Лицо у женщины было заплаканное.

— Николая Петровича нет, — ответил Сенька. — Он вместе с механиком уехал в Куракино.

— Вот досада! — махнул рукой председатель. — Что же теперь делать?

Женщина, услышав ответ Сеньки, запричитала:

— Ой, сыночек! Болезный мой Василёк! Ну, помогите же, люди добрые...

— Тише, Стеша. Зачем так убиваться. Что-нибудь придумаем. Безвыходных положений не бывает.

Но женщина не слушала. Она ходила по пирсу, баюкая и прижимая к себе больного ребёнка.

— Что случилось, Кирилл Борисович? — спросил Сенька,

уже догадываясь, в чём дело.

— Да вот с ребёнком что-то неладное. Надо отвезти его к врачу в Верхнеигринск, и, как назло, — никакого транспорта.

Сердце у Сеньки защемило.

— Кирилл Борисович, я бы мог отвезти, только... только... Николай Петрович будет сердиться.

— Николаю Петровичу я сам всё объясню, — сразу повеселел председатель, — за последствия отвечаю я. Вези!

Блеснувшие на миг глаза Сеньки потускнели.

— Механика нет, — ответил он. — А без него мне не управиться...

— За этим дело не станет. Подмогну. Ты только растолкуй мне, что и где крутить.

Сенька сбросил на пирс сходни, помог женщине пройти на судно. Она положила ребёнка на рундучок, наклонилась над ним, снова заохала.

Открыв машинное отделение, Сенька набросал в топку дров, смочил в керосине паклю, зажёл её и сунул под дрова. Из трубы повалил густой дым. Затем включил сифон — в котле ещё было давление — и через некоторое время пар стоял на марке.

— А теперь, Кирилл Борисович, — сказал Сенька, — смотрите за давлением и слу-

шайте мою команду. Надо вперёд—толкайте этот рычаг—реверс — от себя, надо назад—тяните к себе.

Сбежав на берег, он отвязал чалки, убрал сходни и занял место на капитанском мостике.

С замиранием сердца Сенька дал гудок, скомандовал «Малый вперёд», и «Комсомолец» медленно отошёл от пирса.

Для безопасности плавания следовало бы идти крайней правой протокой. Но это был длинный путь. Сенька решил сократить его и направил судно в протоку Утиную. Памятуя наставления Николая Петровича, он решил держаться ближе к отмелому берегу, что увеличивало скорость судна.

Войдя в протоку, Сенька скомандовал «Полный ход», и «Комсомолец» быстро помчался вперёд. Волнение, охватившее Сеньку при выходе в дорогу, прошло. Он уверенно вёл судно, следя за извилистой линией берега.

Незаметно прошли половину пути. Стоило теперь обогнуть Дедову косу, и открылись бы дома Верхнегринска.

Коса эта далеко вдавалась в протоку, но пряталась под водой, образуя мели.

— Малый ход! — скомандовал Сенька и переложил руль налево. Кирилл Борисович уменьшил пар. «Комсомолец» стал осторожно огибать косу. В тот момент, когда она была обойдена и Сенька готовился дать команду «Полный ход», с

левого борта неожиданно показался обломок плота.

— Стоп! — скомандовал Сенька. Он хотел переждать, пока плот пройдёт мимо. Но Кирилл Борисович вместо того, чтобы закрыть вентиль, открыл его, и «Комсомолец» рванулся вперёд.

— Стоп! Стоп! Закройте вентиль! Крутите его вправо!

Кирилл Борисович стал вращать вентиль вправо. Но пока он это делал, «Комсомолец» набрал скорость. Опасаясь налететь на плот, Сенька круто повернул судно вправо. Плот пролетел мимо, а «Комсомолец» с размаху сел на косу.

— Ой, что мы наделали! — испуганно прошептал Сенька. Но тут же спохватился. — Реверс — к себе! Вентиль — влево! Вентиль вправо, реверс — от себя, вентиль — влево! — командовал он, пытаясь сорвать судно с грунта.

Председатель, послушный команде, вращал вентиль вправо, влево, дёргал реверс от себя, к себе. Сенька переключивал руль с борта на борт. Винт вспенивал воду за кормой, но «Комсомолец» сидел плотно.

— Вот чёрт! — чесал в голове Кирилл Борисович. — И как это я обмишурился? Что же теперь делать?

— Не знаю, — ответил Сенька. — Ну и нагорит же мне от Николая Петровича!

— Что — уже приехали? — выглянула на палубу женщина. — Батюшки! Сели на мель! — всплеснула она руками. — Ой, сыночек, ой, мой Ва-

силёчек! Да что же это такое? Мальчик, дорогой, — взглянула она на Сеньку заплаканными глазами, — скажи, какая тут глубина. Может, я дойду до берега?

— Глубина небольшая, — ответил Сенька, — только вы, тетя, не пройдёте, — у берега непроходимое болото.

— Никуда мы тебя не пустим, Стеша, — отрезал председатель. — Сиди на судне. Сенька, а что если попробовать столкнуть «Комсомольца»?

— Давайте попробуем.

Сенька спрыгнул за борт. Кирилл Борисович тоже снял сапоги, засучил брюки и поспешил за мальчиком.

— Раз-два, дружно! Раз-два, взяли! — затянули они, упираясь плечами в форштевень. Оба покраснели от натуги. «Комсомолец» даже не шелохнулся.

— Эх, нету ваги! — вздохнул председатель. — Приподняли бы нос, и всё было бы в порядке!

— Погодите, Кирилл Борисович, — оживился Сенька. — Я придумал что-то. Берите якорь и заносите его сколько можно за корму. Только подальше.

Председатель подхватил якорь и, пятясь, потащил его за собой. Сенька в это время стравливал якорную цепь.

— Воткните лапы покрепче в грунт и идите на судно, — сказал он, когда была вытравлена вся якорная цепь. — Выбирайте якорь, а я дам машине ход. — Он дал машине полный обратный ход, а сам стал

у штурвала и, перекладывая руль влево-вправо, принялся срывать судно с косы. Мимо бортов неслись пенистые струи, скрипел рулевой привод. Скоро якорная цепь была выбрана, а судно как стояло на месте, так и продолжало стоять. Пытаться вновь заносить якорь было бесполезно.

Остановив машину, Сенька, тяжело дыша, присел у штурвала. Кирилл Борисович нервно курил. Крупный пот струился у него по лицу. Тетя Стеша, пригорюнившись, держала на руках ребёнка.

И тут у Сеньки созрел новый план. А что если топливный танк левого борта наполнить водой? Тогда «Комсомолец» накренится на левый борт, правый, который сидит на косе, приподнимется, и судно свободно сойдёт с мели. А глубина позволит это сделать?

Сенька обошёл кругом судно. С правого борта вода была выше колен, с левого доходила до подмышек. Можно попробовать! Сенька включил помпу, в танк полилась вода. А что если судно накренится так, что через борт хлынет вода? Нет, он будет следить за высотой левого борта.

Сенька лёг на палубу, опустил руку в воду. Сначала вода смачивала только пальцы, потом ладонь, потом дошла до локтя. Он хотел остановить помпу — дальше кренить судно было опасно. Но тут послышался радостный возглас председателя:

— Идёт, идёт!

Сенька глянул на берег. Жёлтая россыпь песка медленно двигалась назад. Переключив помпу на откачку воды, он шагнул к штурвалу.

— Поехали, Кирилл Борисович!

— Ну и молодчага ты! — покачал головой председатель, открывая пар.

Остаток пути прошёл без приключений: коварных мест в протоке не было, а «механик», наученный горьким опытом, стал внимательнее.

«Комсомолец» плавно подошёл к пристани Верхнеигринска. Сенька набросил чалки, спустил сходни. Женщина сошла на берег.

— Спасибо, люди добрые! Спасибо, что помогли. Век не забуду! — поблагодарила она.

Вернувшись на остров Ольховый, Сенька поставил судно

на место. Председатель пожал ему руку:

— Всего хорошего, Сеня.

Оставшись один, мальчик погасил котёл, убрал судно, затем открыл банку консервов и с аппетитом поел. Проверив чалки, он зажёл сигнальный фонарь и лёг отдыхать. Если бы не эта коварная коса, — она занозой сидела в душе, — Сенька чувствовал бы себя счастливым. Что теперь скажут Николай Петрович и Степан Васильевич?

Когда вернулись Галкин и Колосников, Сенька подробно рассказал про своё приключение.

Галкин нахмурился и взволнованно забегал по каюте.

— Да как ты осмелился? Как ты это мог сделать? — кричал он. Потом успокоился.

— Это я больше для поряд-

ка, — примирительно сказал он. — Ты не обижайся, что накричал.

Колосников восхищённо покачал головой.

— С помощью топливных танков снять судно с мели! Это ж догадаться надо... Башковитый ты парень, Сементий!

«Комсомолец» по-прежнему ходит по протокам. Он то толкает баржу, то тащит плот, то перевозит пассажиров.

Сенька то принимает чалки, то шурует в котле судна, то драит медяшки и моет палубу,

то управляет машиной. Но когда Галкин командует: «Сенька, глубину!», он уже не прыгает за борт, как прежде, а берёт намётку.

— Что-то у меня сегодня поясницу ломит. Не к дождю ли? — говорит иногда Николай Петрович. — На-ка штурвал, Сементий, поработай малость, а я схожу отдохнуть в каюту.

Сенька становится на капитанском месте и, счастливый, ведёт «Комсомольца».

И. Холин

* ~~~~~

Стальные гонцы

*По трассам России
В любые
Концы
Несутся,
Несутся
Стальные гонцы.
Два ГАЗа,
Два МАЗа,
Два ЯЗА,
Два ЗИЛа.
Везут они
Масло
И уголь,*

*И мыло,
И прочие грузы
В Челябинск
И Руззу.
Без масла
Мы все бы
Давно отощали.
Без угля
Давно бы
Все фабрики
Стали.
А если б исчезло
Душистое мыло,*

*Ах! что бы,
Ох! что бы,
Эх! что б
Это было!
И мчатся
Машины
По трассам,
Как птицы.
И с ними в пути
Ничего
Не случится.
И к сроку получают
Челябинск
И Руза
И масло,
И уголь,
И прочие грузы.*

Две строки Программы

Реки на картах изображаются голубой краской. Карта нашей Родины богата этими голубыми дорогами. Очень богата! Более 150 тысяч рек течёт по её просторам, более 250 тысяч озёр стучит волнами в берега.

Реки и озёра — наше богатство. Ведь это и драгоценная влага полей, и рыба на столе, и дешёвая электрическая энергия, и великолепные дороги для кораблей. Таких дорог, пригодных для судоходства и сплава леса, в нашей стране полмиллиона километров. И они не чета железным или шоссейным! Для них не требуется ни дорогих рельсов, ни асфальта, ни булыжников, ни насыпей.

500 тысяч километров голубых дорог! Чтобы представить себе эту цифру понагляднее, придётся рассказать о невозможном. Вот если бы сесть нам с вами на белокрылую

□
Рассказ капитана
речного флота
Н. В. Сергеева
□

«Ракету», что «летает» уже по многим рекам, да «пролететь» повсем нашим голубым дорогам, то, несмотря на огромную скорость «Ракеты», наше плавание растянулось бы на девять лет.

Знаешь ли ты, что...

...по водным запасам СССР является самой богатой страной в мире?

...ещё Пётр I планировал соединить Волгу с Москвой-рекой, Белым морем и Балтийским?

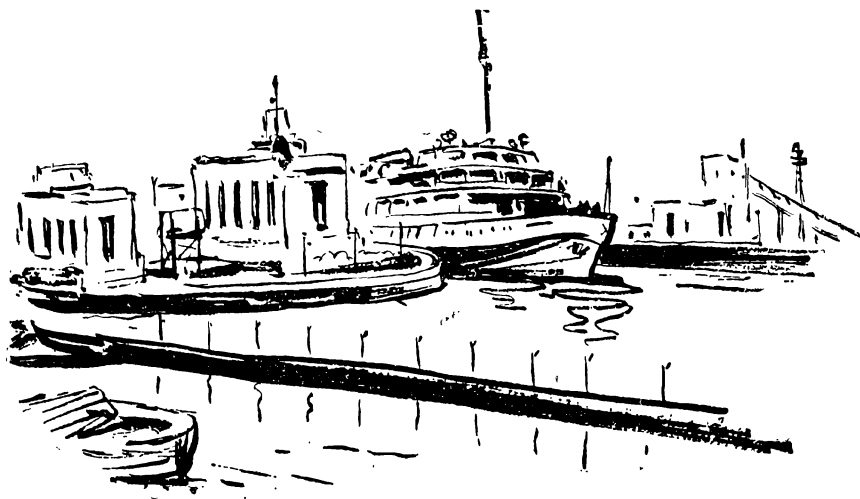
...одной из первых книг, написанных при Петре I, была «Книга о способах, творящих восхождение рек свободных» — руководство для молодых русских строителей каналов?

Впрочем, почему я говорю про невозможность такого путешествия? Разве нельзя соединить каналами все-все реки в единый водный путь? Все — не все, но многие можно. Об этом так и записано в Программе нашей партии:

«Единая глубоководная система соединит основные внутренние водные пути Европейской части СССР».

Всего две строки. А говорят они об очень большой, грандиозной работе, которую наметила на ближайшее двадцатилетие наша Коммунистическая партия.

Много мне довелось поплавать по голубым дорогам. Полвека назад поступил я матросом на крохотный буксирный пароходик. Служба тяжёлая. По извилинам, каменной Свири за сутки мы проходили 10—12 километров, не больше. Пока отстоишь вахту, проклянешь и

реку, и пароход, и его хозяина. Руки изодраны в кровь о буксирные тросы, спину не разогнуть, ноги гудят...

Но как ни тяжела была служба, находилось время и помечтать. Надо вам сказать, что в молодые годы я был большим фантазёром. Ну, к примеру, подходили мы к какому-нибудь порогу на Свири. Тут, понятно, мечтать некогда, потому что аврал. Капитан на мостике, команда вся по местам. Каждый знает своё дело и работает с таким напряжением, что кости трещат. И все гадают: проскочим или не проскочим?

А когда пронесёт, когда опасность позади, отчего ж и не помечтать? Начинали мне лезть в голову разные фантазии. Был бы я, например, богатырём, как Илья Муромец. Первым делом углубил бы Свирь до самой Ладоги. Разве ж это ре-

зон так мучиться на порогах?

Про эти свои мысли я, понятно, помалкивал. Заикнись, так тебя за-

смеёт свой же брат матрос, задразнит, прохода не даст.

Но неожиданно узнаю, что не один я такой фантазёр. Оказывается, каждый матрос и каждый капитан, как и я, не раз мысленно углублял реки, соединял их каналами, строил быстроходные корабли, даже такие, которые могли бы прыгать через мели и пороги, подобно кузнечикам. И не только теперь, а и в старину мечтали люди о том же, наверное с тех самых пор, как появилось на реках судоходство.

Если бы мне, тогдашнему молодому матросу, сказал кто-нибудь, что со временем найдётся такой богатырь, который осуществит все эти мечты, я бы не поверил.

А богатырь нашёлся! Это — народ наш!

Начать хотя б с нашей Свири. Её углубили настолько, что теперь по ней ходят

Знаешь ли ты, что...

...реки занимаются грандиозными «перевозками» наносов? Откладывая их, они значительно меняют форму суши и моря. Нева, прибавляя к своей дельте ежегодно 50 тысяч квадратных метров наносов, сокращает водное пространство, отделяющее Ленинград от Кронштадта. Через три тысячи лет она победит водную преграду и проложит сухопутный мост Ленинград — Кронштадт.

...ежесекундно Нева выносит из Ладожского озера 25 400 кубометров воды.

огромные многопалубные теплоходы, а их капитаны и не вспомнят про грозные свирские пороги. И как углубили! На Свири воздвигли две электростанции, плотины которых подняли уровень воды, затопив пороги. Своенравная река несёт теперь на своей могучей спине пассажиров, различные грузы, караваны плотов да ещё вращает турбины, вырабатывая электричество. Вот как запрягли Свирь!

Ну, это Свирь. А как же насчёт «кузнечиков»? Эта мечта казалась нам тогда не только заманчивой, но и несбыточной. Виданное ли дело, чтобы судно оторвалось от своей родной стихии — воды и начало парить в воздухе?

Оказалось, что и этой мечте суждено было сбыться. Недавно в Ленинграде создан первый такой вездеход. С берегового асфальта его хотели перенести на воду при помощи подъёмных кранов. Но потом передумали... Взрели могучие моторы, и судно, вздрогнув, приподнялось над асфальтом, развернулось, потом плавно соскользнуло в канал. Так начались испытания первого «кузнечика» — судна на воздушной подушке.

Народу — богатырю оказались по плечу и такие задачи, которых не смогла или нежелала решить природа. В самом деле: рек она создала великое множе-

ство, но не позаботилась соединить их, чтобы без помех можно было пройти водой куда тебе нужно. Советские люди взялись исправить эту ошибку.

На карте Родины уже

есть немало искусственных рек — каналов. Беломорско-Балтийский соединил Белое море с Онежским озером, а через Свирь, Ладожское озеро и Неву — с Балтийским морем. Канал имени Москвы связал нашу столицу Москву с красавицей Волгой. Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина соединил внутренними путями все моря Европейской части СССР.

Появились на карте и искусственные моря: Рыбинское, Горьковское, Куйбышевское, Волгоградское, Камское, Цимлянское, Новосибирское.

Но и сегодняшняя географическая карта скоро устареет. В недалёком будущем на неё предстоит нанести много новых сооружений, которые уже возводятся. Полным ходом идёт перестройка старой Марининской системы, потому что она не в состоянии обслуживать наш выросший речной флот. От Вытегры до Череповца 39 шлюзов. Они настолько малы, что не могут пропустить, например, трёхпалубный теплоход «Алтай», на котором я плавал последнее время капитаном. Сейчас не могут, а через год откроются створы новых шлюзов, такие огромные, что «Алтай» рядом с ними покажется просто малюткой. И без всякой задержки пойдут по Волго-Балту пассажиры-

Знаешь ли ты, что...

...шлюзы Волго-Балта значительно больше Волго-Донских, а строителей на каждом из них в 5—8 раз меньше — на смену ручному труду пришла мощная техника?

...по сравнению со старой Марининской системой, Волго-Балт увеличит пропускную способность примерно в 8—10 раз?

...строители Волго-Балта в честь 45-й годовщины Великого Октября перекрыли реку Шексну, создавая новое Череповецкое море?

...Череповецкая ГЭС будет первым гидросооружением под водой? Здание её встраивается в плотину. Генераторы вместе с турбинами разместятся под водой в специальных металлических капсулах. Турбины будут не вертикальными, как обычно, а горизонтальными. Всё это значительно упрощает строительство и намного уменьшает его стоимость.

ские теплоходы, баржи с грузами, буксиры потянут караваны плотов. Меньше трёх суток потребуются современному судну, чтобы проделать путь от берегов Шексны до берегов Невы. А ведь раньше такое плавание занимало около двух месяцев.

Когда вступит в строй Волго - Балтийский водный путь, все водные магистрали Центра, Юга и Северо-Запада окажутся связанными. Это уже будет единая транспортная система.

Удивительные перемены произойдут и на других реках страны. Некоторым из них предстоит повернуть

вспять. Например, Печора и Вычегда потекут к югу, вольют свои воды в мелеющий Каспий. Строящиеся сейчас Краснознаменский и Северо-Крымский ирригационные каналы

будут пригодны не только для орошения, но и для судоходства. От Северо-Крымского канала к Азовскому морю тоже проложат канал, пригодный для плавания судов. Новая голубая дорога проляжет между Кривым Рогом и Днепром. По ней поплывут руда и уголь.

...Вспоминаю я сейчас свои юношеские мечты и удивляюсь: словно кто-то подслушал их и осуществляет на моих глазах! Только осуществляет с таким размахом, с такой дерзкой смелостью, какие мне и не снились.

Рассказ записал
Евг. БИНКИН

Знаешь ли ты, что...

...за оставшееся до конца строительства время на Волго-Балте надо уложить около 250 тысяч кубометров железобетона, выложить 23 миллиона кубометров земляных работ, смонтировать 7 тысяч тонн металлоконструкций и механизмов.

Коллекция звуков

Почти полвека прошло с тех пор, как мне подарили однажды граммофонную пластинку. Она была очень смешная: в самом центре была приклеена картинка с каким-то крылатым херувимчиком, а когда пластинку заводили, то вдруг сердитый бас начинал шипеть паровозом: «Пить хочу! Пить хочу!»

Давно уже исчезли цветные трубы граммофонов. Большинство пластинок с «херувимчиками» давно сдано утильщикам. Но любовь к чёрным поющим дискам осталась у меня навсегда. В альбомах и коробках стоят рядами на полках чёрные диски. Достаточно только моего желания — и зазвучат лучшие оркестры и хоры мира, раздастся голос Льва Николаевича Толстого, запоёт Фёдор Иванович Шаляпин, зазвучит голос «агитатора, горлана-главаря» Владимира Владимировича Маяковского.

Много лет я собираю пластинки, но коллекция моя стала меньше, чем была десять лет назад. Раньше один десятипластиночный альбом хранил в себе песен на 40—50 минут

звучания. Теперь в нём лежат десять долгоиграющих пластинок, — чтобы прослушать их, понадобится полдня.

Многие тысячи людей коллекционируют грампластинки. И чего только нет в их коллекциях!

Как-то один из моих друзей сообщил мне, что слышал арию Онегина в исполнении замечательного русского певца... Л. В. Собинова! Не может быть! Арию Онегина во все времена пел баритон, а Собинов-то — тенор!..

Но мой знакомый оказался прав. Оказывается, Леонид Витальевич Собинов для шуточного подарка одному из своих друзей напел эту арию. Пластинок с нею было выпущено всего 2—3. Уцелела одна-единственная, и хранится она у ленинградского архитектора коллекционера Ю. Б. Перепёлкина.

В самом начале этого века в газетах появилось сообщение, что «акционерное общество «Граммфон» записало торжественный звон колоколов Исаакиевского собора». Каков он был этот колокольный звон нашего

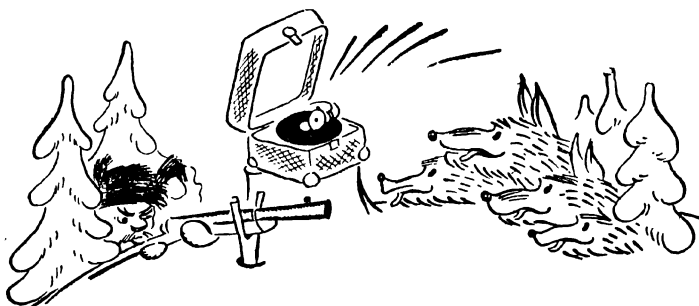
Исаакия? Об этом даже нельзя узнать в музее, находящемся в помещении собора, а собиратели звуков могут его продемонстрировать.

Большой любитель птичьего пения Б. Н. Вепринцев записал в лесах Подмосковья пение соловья, горлиц, дроздов, чиби́са, глухарей, горихвосток. Теперь все эти крылатые певцы «выступают с одной сцены» — с долгоиграющей пластинки. И её вы найдёте в собрании коллекционера.

Среди моих знакомых были два брата-студента. Один — медик, другой — изучал языки. Оба они заявили, что грампластинок в их доме никогда не будет. И верно: сколько я у них бывал, пластинок ни разу не видел.

Но вот захожу как-то и вижу — стоит новенькая радиола. Я улыбнулся. Медик принял эту улыбку как личную обиду. Не говоря ни слова; включил он радиолу и поставил на неё одну из пластинок. Из репродуктора донёсся какой-то шум и равномерное постукивание.

— Звук здорового человеческого серд-

ца,— пояснил медик.— Приложение к медицинской энциклопедии.

Брат-языковед тоже не остался в долгу, и вслед за пластинкой со звуком работающего сердца появились «Учись говорить по-английски», «Учись говорить по-французски»... Оказывается, пластинки не только наши друзья в минуты отдыха, но и помощники в работе, в ученье.

Да и мало ли где они могут понадобиться!

Смотрел я в одном пионерском лагере самодельный концерт. Слышу — со сцены летит шум стадиона, потом зарокотали моторы, послышались всплески волн. Что такое? А всё просто — ребята - звукоформители раздобыли пластинки с нужными театральными шумами и умело включали их по ходу действия спектакля.

• Вы думаете, только в театрах «выступают» такие пластинки? Ничего подобного. Они даже и на охоту ходят! Вот представьте: зима, лес, меж деревьев бродит стая голодных волков. Труд-

но им добывать пищу в эти морозные дни. Но вдруг... что это?! Визг попавшего в беду поросёнка. Повели серые разбойники носами. Чутьё у них замечательное. Всё же посторонних запахов не почувствовали: ветер дул с их стороны. Потихоньку начали подкрадываться к визжащему поросёнку. Ближе. Ближе. И попали прямо в засаду к охотникам! А поросёный визг был, оказывается, записан удачливыми охотниками на самодельную грампластинку.

Да и не на таких охотах доводилось бывать пластинкам!

...Долго и безуспешно пытались определить гитлеровцы, где находился партизанский лагерь. Посылали разведчиков. Кружились над лесом самолёты — всё напрасно! Никак партизан не обнаружить.

Лишь однажды ночью ухо звукоулавливающего аппарата поймало приглушённый шум, людской говор. На следующую ночь шум повторился. На третью — тоже. Фашисты совершенно точно установили ме-

сто, где, по их мнению, находился лагерь партизан. Жерла орудий и миномётов были направлены по самым точным расчётам на штаб и землянки народных мстителей.

Несколько часов длилась канонада, перепавшая болото и круша мелкий осинник, в котором было установлено несколько громкоговорителей, воспроизводящих шум, записанные на пластинке. Фашистские стервятники тоже сбросили не одну тонну смертоносного груза, поднимая в воздух столбы болотной жижи.

А партизаны под «салют» в честь военной хитрости перебрались в другое, более безопасное место.

Вот раздобыть бы такую историческую пластинку!

Часто пластинки разыскивают, как ищут давно пропавшего человека, неизвестный автограф писателя. Необычайно интересные записи иногда находят просто случайно.

Как-то в мою квартиру раздался звонок. Другой... Третий... Я открыл дверь и увидел

мальчика в красном галстуке.

— Здравствуйте, — поздоровался он. — Мне сказали, что вы разбираетесь в пластинках.

— А в чём дело?

— Понимаете, я — красный следопыт. Идёмте скорей. Утильщику сдали историческую пластинку. Идёмте!

Действительно, это была редкая грамзапись. Выпустил её журнал «СССР на стройке» в 1934 году, приложением ко второму номеру.

Завёл я её и — сам начальник ЭПРОНа Ф. И. Крылов рассказывал о том, как поднимали из морских пучин ледокол «Садко», а командир стратостата «СССР» Г. А. Прокофьев сообщил о первом героическом полёте в стратосферу на высоту 19 тысяч метров.

Пока я изучал пластинку, красного следопыта и след простыл: его мама давно уже ждала обедать.

Теперь у меня рядом с грамзаписями космонавтов Ю. Гагарина и Г. Титова хранится запись голосов героев тридцатых годов.

Но коллекционеры звуков не только хранят свои звучащие сокровища. Их нередко

можно встретить в клубах, во Дворцах культуры. У собирателей грампластинок нередко бывают в гостях театральные и киноработники, актёры, музыканты. В их работе грамзапись оказывает неоценимую помощь.

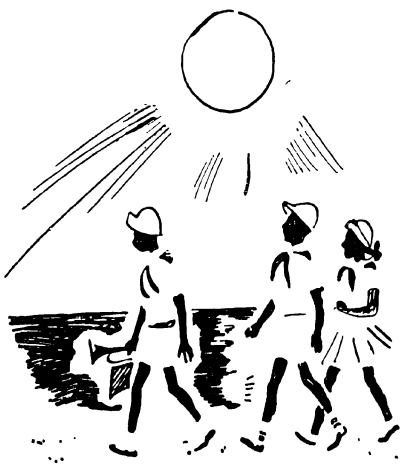
Как звучал голос Максима Горького? Как играл композитор А. Скрябин свои произведения? На эти и другие вопросы мы находим ответы благодаря чёрным пластмассовым звучащим дискам.

Увлекательное и полезное дело — собирание звуков!

Рядом с простором

Море синее.
 Очень синее.
 В камни плещутся
 волны сильные.
 Небо тёмное
 чуть окрашивая,
 Вскходит солнце
 вдали оранжевое.
 И вдоль моря,
 такого умного,
 Мы шагали,
 молчали
 и думали.
 Мы шагаем,
 молчим старательно —
 Нам слова сейчас
 не обязательны.
 Пусть ещё очень
 много смутного,
 Очень счастливы
 в это утро мы:
 Сколько в мире
 ещё не познано,
 Не открыто
 и не осознано.

Уголёк

Мы из Артека уезжаем,
 У нас с тобою путь далёк.
 Берём с собою на прощанье
 Костра горячий уголёк.
 Мы в жизнь идём.
 И сердце наше
 Открыто солнцу и ветрам.
 Мы будем опытней
 и старше,
 Природа покорится нам.
 Но где б с тобой мы
 ни бывали
 И как бы путь наш
 ни пролёг,
 Пускай нам сердце
 согревает
 Костра горячий уголёк.
 Согреет нас.
 В бурю и в стужу
 Он нам отдаст тепло своё.
 Я очень верю в нашу
 дружбу
 И знаю: веришь ты в неё.

Баснописец Бонапарт

Кто такой Наполеон Бонапарт — знает каждый. Но, очевидно, многие будут удивлены, если им сказать, что Наполеон... писал басни. Да, да, не удивляйтесь: император Франции и завоеватель Европы в юности своей отдал дань стихотворчеству.

Недавно на страницах одного старого французского журнала я обнаружил басню, написанную Наполеоном, когда он был учеником военной школы в Бриенне в 1779—1784 годах и ему было не более пятнадцати лет.

Вот эта басня:

СОБАКА И КРОЛИК

Пёс Цезарь, среди гончих новичок,
Нехваткой спеси не страдал нисколько.

Выманивая Кролика из норки,
Смеялся, глядя, как дрожит зверёк.

— Сдавайся! — рычал ему он басом громовым,
Который в трепет приводил лесных зверей.

— Мне страх неведом, нет меня храбрей!

Я — Цезарь, всем известный мужеством своим.

Услыша имя грозное сие,
Жан Кролик богу душу поручает

И голосом дрожащим вопрошает:
— Сиятельный пёс, ответь:

Коль сдамся я, то ждать чего мне впредь?

— Умрёшь ты!

— Я умру? — несчастный восклицает. —

А если я сбегу?

— И тут конец тебе!

— Вот как?! — печально

Кролик отвечает. —

И так и этак — всё конец один.

Прошу прощения, светлейший господин,

Но коль мне смерть и так и этак суждена,

Пусть в бегстве поразит меня она.

Легенд о храбрости мильон кружит по свету...

Из норки выскочил Жано и... Чудеса!

Охотник наш, увидев дерзость эту,

Стреляет в Кролика, но... попадает в пса.

Мне небеса помогут, коль и сам я не сплешаю,

И я сию мораль — благословляю.

Слов нет, литературные достоинства басни невелики, но она может представлять интерес как своеобразная иллюстрация к характеру Наполеона. В 1812 году он поступил точно так, как говорил в морали своей басни: под натиском русских войск он бросил остатки некогда «великой» армии и удрал совсем так же, как заяц.

В. САШОНКО

От простого к сложному

(К фотоснимкам на 3-й странице обложки)

ПЕРВОЕ слово, которое проговорил Володька, было не «мама», не «папа» и не «баба». Этот румяный крепыш, к удивлению всех, довольно внятно произнёс:

— Дай!

При этом Володька так возрадовался, так развеселился, что, поперхнувшись слюной, кончил дело истошным рёвом.

Но начало было положено, парень заговорил.

— Дай! Дай! Дай! Дай! — повторял Володька и не без хитрости поглядывал на папу, маму и на бабушку.

— Разумник! — восхищалась бабушка. — Глядите-ка, с чего начал. Быть ему...

— А мне что-то его начало не нравится, — забеспокоилась мама. — Вырастет собственником со своим «дай»...

— Не беспокойся! — перебил отец. — Раз человек чего-то требует, значит, это ему для дела надо. Дашь ему кубики — он построит дом. Дашь молоток — он научится гвозди забивать... Давайте ему всё, что ни потребует, хоть швейную машину. Понятно? Сдаётся мне, что быть ему конструктором.

И Володька стал конструктором. Не сразу, конечно, а постепенно. Выучившись говорить, он заявил:

— Дайте собаку!

И в доме появился щенок. Маленький такой, но круглый и приятный.

Начали расти: кто быстрее. И щенок, хоть он и пёс, а обогнал Володьку: сделался взрослой собакой, пока Володька и в школу ещё не пошёл. Правда, он старался делать вид, что ему по-прежнему интересно играть с мальчишкой.

Потом Володька потребовал:

— Удочку мне!

Оно и верно: как же мальчишке прожить без удочки? Чем же ему песикарей ловить и окуней?

Появилась удочка. Когда она поднадоела, Володька начал подумывать, чего бы потребовать ещё. Пригляделся он в магазине к портфелю, хотел было уже сказать своё «дай», но решил схитрить: портфель ему и так купят, потому что осенью в школу, в первый класс. Какой же смысл!

Конструкторские наклонности проявились в Володьке сразу же, как он стал первоклассником. Отправился утром в школу, а пёс тут как тут, увязался провожать. Володька несёт портфель, а собака бежит рядом налегке, ничего не несёт.

— Так не пойдёт! — сказал Володька. — Раз у меня есть собака, то почему я должен нести портфель? На-ка, тащи!

И пёс прибыл в школу с Володькиным портфелем в зубах.

Так они и работали вдвоём. Володька старательно постигал разные учёные премудрости, а собака ему помогала — таскала портфель.

Но когда выпал первый снег, Володьку осенила новая идея.

— Санки! — потребовал он. — Зима на дворе...

Пока подыскивали санки, Володька катался с горы на своём портфеле. Но эта забава ему не очень нравилась: слишком просто!

Наконец купили санки. Володька рассудил: раз у него есть собака и есть санки, то почему он должен ходить в школу пешком? Почему бы ему не ездить на санках и на собаке?

Запряг пса, уселся, положил на колени портфель:

— Но-о! Поехали!

Нет, не поехали. Пёс лезет к Володьке в санки, ласкается и никак не поймёт, чего от него хотят.

Володька сердится, кричит. А пёс всё равно не понимает. Вот тупица!

И тут Володька вспомнил: у него же есть удочка!

Насадив на крючок кусок колбасы, он уселся с портфелем в запряжённые санки, закинул удочку впереди собачьей морды. Пёс повёл носом и кинулся за колбасой. Помчалась санки!

Так и стал Володька конструктором. Из простых деталей он создал сложную машину и ездит на ней в школу.

ПОСТРЯЕ ЗАМЕТКИ

НА ЯХТЕ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

58-летний англичанин Фрэнсис Чичестер, картограф по специальности, предпринял рискованное путешествие. Он отплыл из Плимута (Англия) на яхте длиной 12 метров в Америку, через северную часть Атлантики. Кроме него, на судне не было ни одного живого существа. Съестные припасы Чичестера состояли из 60 апельсинов и 120 яиц. В океане отважный мореплаватель ловил рыбу, которая и составляла основную часть его меню.

За 40 дней плавания Чичестеру пришлось испытать немало трудностей. Во время одного жестокого шторма, когда скорость ветра доходила до 150 километров в час, он не спал 90 часов, чтобы не оказаться выброшенным за борт в бушующий океан. А однажды, когда он собирался ловить рыбу, вдруг по-

слышался непонятный шум. Взглянув в океан, Фрэнсис увидел поблизости трёх китов, а всего вокруг яхты плавало около ста китов. Англичанин осмелился даже подплыть к одному из них и достать его веслом. Но кит, как ни в чём не бывало, мирно поплыл дальше.

Чичестер прошёл на своей яхте около 6000 километров. В Нью-Йорк он прибыл после шестинедельного плавания.

ПРЕДОК ВЕРТОЛЕТА

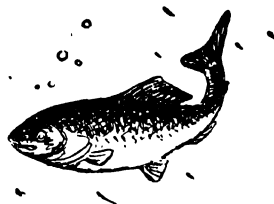
В музее М. В. Ломоносова сохранился интересный экспонат. Между двумя деревянными стойками с медными блоками — небольшой ящик, подвешенный к противовесам. На крышке ящика — два четырёхлопастных воздушных винта. Если завести пружину, скрытую в ящике, винты начнут вращаться и ящик плавно взмывает вверх. Так выглядит знаменитая «аэродромическая машина» Ломоносова, далёкий предок современного вертолёт.

В протоколе академического собрания от 1 июля 1754 года имеется следующая запись: «Почётнейший советник Ломоносов показал изобретённую им машину, называемую «аэродромической». Великий учёный предназначал её для подъёма метеорологических приборов.

ЛОСОСЬ в... ОБВОДНОМ КАНАЛЕ

Этим летом в Обводном канале заметили рыбу, которая несколько странно себя вела. Один из её прыжков был настолько резким, что она выбросилась на мелководье, где её и поймали. Оказалось, что это — лосось раз-

мером 60 сантиметров и весом около двух килограммов. Как же лосось попал в Обводный канал? Вероятнее всего, что, оглушённый на Неве винтом какого-нибудь судна, он был снесён течением в Обводный канал.

...учёные Московского института пластических масс создали новый вид пластмассы, которая по своим технологическим качествам не уступает свинцу?

☆

...первый зверинец появился в Европе в X веке при монастыре Санкт-Галлен в Швейцарии? В более позднее время мавры завозили диких зверей в Европу из Африки и присылали зверей и птиц в подарок королю Франциску II, великолепный зверинец которого так красочно описан Шиллером в стихотворении «Перчатка». В нашей стране первое упоминание о зоопарке-зверинце относится к 1061 году. В Новгороде существовал зверинец, где содержались дикие звери и птицы не только местной фауны, но и те, которых новгородские купцы привозили из своих путешествий в дальние страны. Первым зоопарком, открытым для обозрения, был Московский, основанный в 1863 году.

Знаешь ли ты, что?

☆

...морские коттики принадлежат к семейству ушастых тюленей, куда входят также морские львы и сивучи? Зимой (полгода) коттики живут в море, летом — на лежбищах. В мире известны три крупных лежбища: два советских — на Тюленьем и Командорах и американское — на островах Прибылова, у побережья Аляски. В нашей стране приняты все меры к охране этих ценных животных. В районе Тюленьего, например, запрещено плавание судов, подача гудков или сигналов, стрельба...

☆

...крупнейшую в мире жемчужину выловил японец Тунашима? «Жемчужина южных морей» — так он назвал её — оценена в 7000 долларов.

☆

...недавно в Италии между Терамо и Адриатическим побережьем на несколько часов было прервано автомобильное сообщение? На шоссе неведомо откуда появились тысячи жаб. Причину такого редкого явления выяснить пока не удалось.

☆

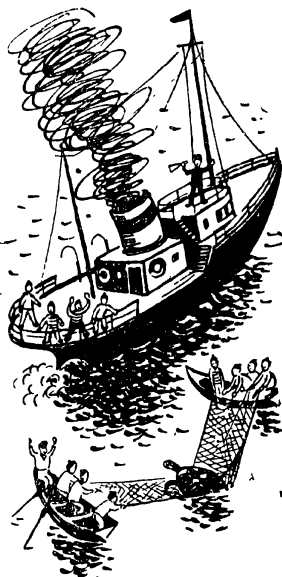
...на большей части европейской территории СССР средняя скорость ветра наибольшая в январе—феврале, наименьшая — в летние месяцы? А в Восточной Сибири наоборот: наиболее слабые ветры наблюдаются зимой, а летом они усиливаются.

☆

...акулы, очевидно, всё-таки вкусные? В Китае их мясо идёт в пищу, а плавники акулы являются дорогим деликатесом! Китайцы даже разводят акул — в огромных морских садках. За год 600—800-граммовые мальки достигают 50 и более килограммов веса.

☆

...недалеко от французского порта Биллье в океанских глубинах выловлена черепаха-гигант? Длина её около пяти с половиной метров, вес — почти восемьдесят двадцать килограммов.

ПОПРАВКА

На странице 61-й «Искорки» № 11 за 1962 год в 3-й колонке 11-ю строку сверху следует читать: «королёк уничтожает их в»

ЧАЙНВОРД «КОСМОС»

(Составила Лена Барбарович,
127-я школа)

1. Космонавт-1. 2. Космонавт-3.
3. Планета солнечной системы.
4. Малая планета. 5. Космонавт, не

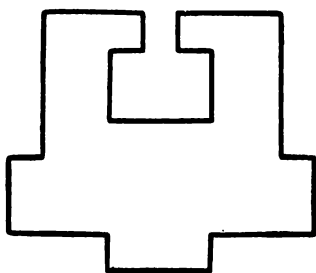
Отдел ведёт В. Акентьев

участвующий в полёте, но готовящийся к нему и готовый заменить товарища в случае необходимости. 6. Космический корабль. 7. Учёный, изучающий науку о Вселенной. 8. Название космической автоматической станции, запущенной в СССР 1 ноября 1962 года. 9. Начальный момент космического полёта. 10. Космонавт-2.

НА СЕМЬ ЧАСТЕЙ...

(Составила Валя Мануйлова, 480-я школа)

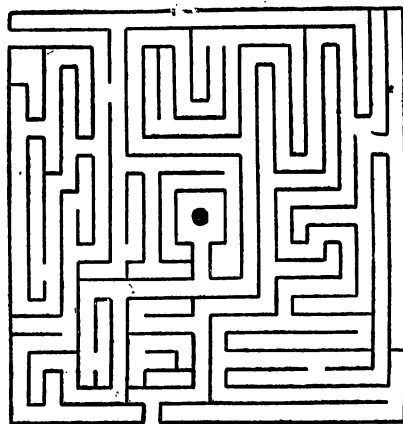

Разделите эту фигуру на семь частей, равных по величине и одинаковых по форме.

ЛАБИРИНТ

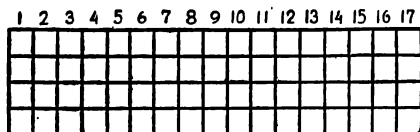
(Рая Макарова, пос. Тёсово-4,
Лужского района)

В этом лабиринте из четырёх входов только один приведёт вас в центр лабиринта — в камеру с точкой. Найдите путь к центру.

ЗАГАДКА

(Составил Володя Ходаковский,
82-я школа)

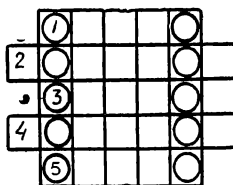

Вписав в вертикали слова, определения которых приводятся, прочтите в третьей горизонтали загадку и разгадайте её.

1. Высокосортное топливо, получаемое из каменного угля.
2. Время года.
3. Бесцветный газ — составная часть воздуха.
4. Спутник Земли.
5. Планета солнечной системы.
6. Орган растения, в клетках которого происходит фотосинтез.
7. Вид атмосферных осадков.
8. Пушной зверь.
9. Место для велосипедных гонок.
10. Небольшая возвышенность.
11. Кормовой знак.
12. Ручное сельскохозяйственное орудие.
13. Украшение из ленты.
14. Мелкое место, допускающее переправу через реку.
15. Водоплавающая птица.
16. Число.
17. Мера длины.

ЗАДАЧА БУКВ

(Составили Геня Суриков
и Саша Бойцов)

Впишите в горизонтальные ряды фигуры пять слов.

1. Металл — сплав железа с углеродом.
2. Кучер Чичикова.
3. Высший государственный орган в Монголии.
4. Известный русский художник, адмирал, кораблестроитель, сподвижник Петра Первого.
5. Произведение М. Ю. Лермонтова.

Если вы правильно впишите значения этих слов, то в одной из выделенных вертикалей прочтёте фамилию великого русского писателя, а в другой — название его произведения.

ШУТКА

Ищи меня в начале апреля, в середине мая: в саду, в парке или в роще, но не ищи в лесу или в поле — там меня нет...

СКОЛЬКО СТРАНИЦ?

Наборщику, верставшему толстую книгу, для нумерации страниц потребовалось 2893 цифры (вместе с нолями).

Сможете вы рассчитать, сколько страниц было в этой книге?

Для простоты примем, что нумеровались все страницы книги без каких-либо пропусков.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 1)

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕЙ РОДИНЫ

По горизонтали. 1. 1721. 3. 1741.
5. 1714. 6. 1812. 8. 1174. 10.
1851. 12. 1581. 14. 1606. 15.
1917. 16. 1242.

По вертикали. 1. 1821. 2. 1612.
3. 1841. 4. 1564. 7. 1755. 9.
1825. 10. 1861. 11. 1147. 12.
1671. 13. 1682.

РЕБУС

Кто учёным дорожит, тот с наукой дружит.

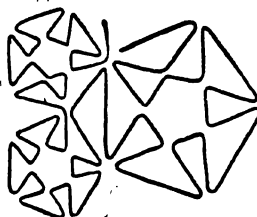
БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Вулкан, звонок, гавань, привал, зарево, резерв. Возможны другие решения.

ХОДОМ КОНЯ

Старый друг лучше новых двух.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

День рождения. Стихотворение В. Кузнецова	1
Огневой рубеж. Стихотворение Г. Петрова; Детство. Стихотворение Н. Егорова	2
Ошибка Сеньки Большинцева. Рассказ Леонтия Раковского	3
В тот день... Стихотворение М. Кривицкого	9
Флаги. Рассказ И. Туричина	10
Школьные обеды. Стихотворение И. Антонова	13
Аты-баты, шли солдаты. Стихотворение В. Верховского	14
Мы, мужчины... Рассказ С. Вольфа	16
Орбита над Арбатом. Стихотворение В. Суслова	21
Взрывы на уроках. Окончание повести И. Ефимова	24
Капитан «Комсомольца». Рассказ С. Бузо	42
Стальные гонцы. Стихотворение И. Холина	49
Две строки Программы	50
Коллекция звуков. Очерк А. Павлова	54
Творчество юных	57
Литературная шкатулка	58
От простого к сложному. Текст к фотоочерку на 3-й странице обложки	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника П. Вискова «В честь Советской Армии».

На 2-й странице обложки — фотоснимки «Рождённая в боях».

На 3-й странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова «От простого к сложному».

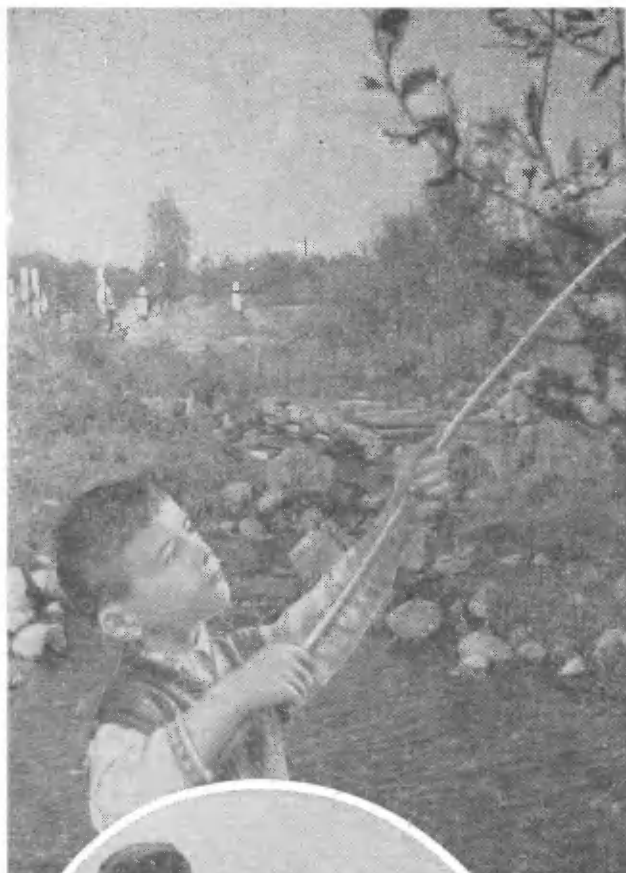
На 4-й странице обложки — рассказ в рисунках художника Н. Зверева «Знания рыбалка и крепкая закуска».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А 4-54-90

Сдано в набор 11/II 1963 г. Подписано к печати 23/II 1963 г. 4 печ. листа
М-21247 Заказ № 123. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

**От простого
к сложному**

—
(Текст смотри
на 59-й странице)

Цена 10 коп.

Зимняя рыбалка и крепкая закалка

